

Игра со временем

Кривцов Никита

18+

Кривцов Никита

Игра со временем

«Автор»

2025

Никита К.

Игра со временем / К. Никита — «Автор», 2025

Великая Империя, простирающаяся сквозь миры и вселенные, стоит на пороге величайшего технологического прорыва. Маршал Саэнфилд, гений науки и культуры, проводит рискованный эксперимент с оружием, способным стирать время. Но успешный испытательный взрыв оборачивается катастрофой. «Паллада», флагманский дирижабль Саэнфилда, выброшен из реальности в пустыню, где время течёт вспять, а песок поднимается в небо. Экипаж корабля оказывается в ловушке не только в неизвестном месте, но и в неизвестной эпохе — мире, который не помнит Империи. Пока Саэнфилд борется за выживание и ищет путь домой, в самом сердце Империи плетётся паутина заговора. Тайная организация во главе с загадочной Айренс начинает свою «Игру со временем», стремясь отомстить и уничтожить могущественную державу изнутри. Маршалу предстоит не просто спасти свой корабль, а столкнуться с древней магией, временными аномалиями и заговором, который угрожает разорвать саму ткань реальности.

© Никита К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

***	5
Глава 1: Начало	6
Глава 2: «Странные обстоятельства»	13
Глава 3: «Последние приготовления»	27
Глава 4: «Падение»	35
Глава 5: «Игроки в Тени»	41
Глава 6: «Забвение»	47
Глава 7: «Диверсия»	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Кривцов Никита

Игра со временем

В беспредельной тишине космоса, где миры вспыхивают и гаснут подобно искрам в огромной кузнице бытия, возвышается Империя – держава, чьё имя звучит в тысячах измерений. Она подобна колоссу, ступающему по эпохам: её города сверкают под светилами чужих галактик, её дороги ведут не только через пространства, но и через судьбы.

Здесь наука давно перестала быть инструментом – она стала сердцем государства. В лабораториях Империи рождались технологии, способные согнуть пространство, переписать физику мира и преодолеть границы, что казались нерушимыми. Инженерные корпуса творили чудеса, соединяя металл и магию в единую живую силу. Экономика, словно древний, но мощный двигатель, поддерживала эту гигантскую машину, вращая шестерни прогресса.

Армия же была подобна буре, скрытой за горизонтом: всёобъемлющая, выверенная, неподвластная сомнениям. Никто из врагов так и не смог добраться до её священных стен – тех самых, что однажды стали не только защитой, но и основой для новых технологий.

Но среди всей этой мощи выделялась особая черта Империи – её стремление в будущее. Как будто сама судьба тянула её вперёд, заставляя открывать новые миры, новые формы жизни, новые способы существования. Каждый ребёнок здесь рос с мыслью, что однажды именно он прикоснётся к величию грядущего.

И казалось, что сама ткань времени, колеблясь, наблюдает за этим народом, шаг за шагом приближающимся к неизведанному.

Во главе великой державы стоит Кριοлис Галрадиум – древний бог Атариата, чьё бессмертие пережило рождение и смерть многих цивилизаций. Он словно каменная ось мироздания: спокойный, неподвижный, но обладающий внутренней силой, от которой дрожат миры. Девять тысяч четыреста шестьдесят пять канторов его правления превратились в эпоху, где стабильность стала естественным состоянием вселенной.

Но Империя держится не только на нём. Вокруг него – четверо маршалов, четыре столпа, четыре судьбы, четыре пути.

Реинхард Канрайд, первый маршал, носит силу, подобную горному хребту. Его решения тяжеловесны, но неизбежны, его армия – клинок, рассекающий хаос.

Алаина Эвербрайт – воплощение мира. Там, где люди готовы поднять меч, она поднимает слово, и даже самые непреклонные слышат её голос.

Тауриэль Гангаур хранит порядок, словно страж у подножия древнего храма. Его взор проникает в самые тёмные места, улавливая опасность ещё до её рождения.

И наконец – Саэнфилд Пранлайк, самый молодой и самый свободный из всех. Его душа направлена в сторону света, знаний, изобретений. Он – дыхание грядущих перемен, тот, кто, возможно, однажды сожмёт само время под своей рукой.

В его сущности живёт странное чувство: будто он идёт по границе невидимого мира, где будущее ещё только формируется, выбирая путь.

И именно с ним, с этим человеком, стоящим на пороге великого открытия, начинается история, что вскоре изменит не только Империю – но и само течение миров.

Глава 1: Начало

Утро наступило тихо и мягко, словно мир ещё не решился окончательно проснуться. Солнечные лучи, едва коснувшись окон резиденции Саэнфилда, рассыпались по комнатам золотистой пылью, а лёгкий ветер покачивал кроны деревьев, будто нащёптывая обещания спокойного дня. В саду работал садовник, в коридорах тихо переставляли посуду служанки – всё шло привычным чередом, словно сама Империя в этот миг замерла в умиротворённом дыхании.

Но спокойствие будущего редко соотносится с покоем настоящего.

Ручка двери едва слышно щёлкнула, и в комнату вошёл Галахад – старший дворецкий, чей шаг никогда не нарушал размеренность дома без причины. Его появление в столь ранний час было предвестником перемен, будто маленькая трещина в гладком зеркале утра.

В его голосе прозвучало напряжение:

– Ваше Высочество... Император вызывает вас на Великий Совет.

Саэнфилд поднял взгляд, и солнечное утро в одно мгновение потускнело для него. Вызов в столь ранний час мог означать только одно – грядёт решение, способное качнуть ход событий. Он ощущал это так же явственно, как лёгкое дрожание воздуха перед грозой.

– Подайте машину, – произнёс он спокойно, но внутри уже собиралась тревога. – По пути заедем в четвертое инженерное отделение. Заберём эксперимент девятьсот сорок пятый.

Галахад поклонился и ушёл, оставив Саэнфилда наедине с тишиной, которая вдруг стала тяжелее. Вскоре маршал поднялся и окинул взглядом свой кабинет – словно прощаясь с этим тихим островком порядка. На столе – подарки, фотографии, отчёты; на полках – тома наук и мудрости, собранные за годы службы. Всё это, казалось, смотрело на него, как свидетели грядущего выбора.

Но времени на размышления не было.

День, ещё мгновение назад такой ясный и безмятежный, уже разворачивался в сторону событий, что впоследствии изменят не только судьбу Саэнфилда, но и саму ткань будущего.

Он взял плащ и шагнул к двери – туда, где начиналась новая глава.

Покидая свой кабинет, Саэнфилд задержался на пороге – лишь на одно мгновение, которое, казалось, растянулось тонкой нитью между прошлым и грядущим. Комната, наполненная утренним светом, предстала перед ним почти торжественно: словно понимала, что хозяин возвращается в неё уже другим.

Посреди кабинета стоял массивный стол из чёрного аравийского ореха – дерево, веками растущее лишь в диких землях далёких миров. Его поверхность хранила следы множества проектов, решений и размышлений. На нём – статуэтка, подаренная Рейнхардом после тяжёлой кампании; фото, на котором Саэнфилд был изображён рядом с сёстрами – Розалией и Эрией, словно тихий напоминатель о корнях, не забывающих тех, кто ушёл далеко вперёд.

По обеим стенам, как хранители знаний, стояли стеллажи, заполненные книгами, исследованиями, отчётами. Они были свидетелями его работы, его ночей за чертежами и расчётами, его смелых идей, которые иной раз опережали свою эпоху. В этом кабинете рождались решения, что меняли научные направления Империи – и, возможно, их эхо ещё прозвучит в грядущих эпохах.

Саэнфилд прошёл к боковому столу, взял отчёт по фронтам – тяжёлую папку, словно наполненную тревогами целой державы – и тихо вдохнул. Внутри начало возникать знакомое ощущение: мир слегка приподнимает своё покрывало, готовясь открыть новую страницу.

Внизу уже ожидал автомобиль.

Саэнфилд накинул плащ и, не оглядываясь больше, сошёл по ступеням, как будто делал шаг не только из дома – но и из прежнего себя.

Когда машина выехала за ворота резиденции, город открылся перед ним широкими дорогами, уходящими вдаль. Воздух наполнился движением – как будто сама столица впитывала в себя ритм приближающегося дня. Вскоре автомобиль достиг трассы, и над линией горизонта выросла громада Нью-Таун-Сити – столицы, что сияла подобно живому механизму, пульсирующему жизнью миллионов.

Город был построен как крепость будущего: двенадцать колоссальных стен окружали его кругами, подобно орбитам величественной планеты. Ни одному врагу ещё не удавалось приблизиться к ним, но теперь они стали не только обороной – их древние контуры легли в основу силовых щитов, что укрывали весь город от любых угроз.

Машина нырнула в туннель первой магистрали, и пространство вокруг наполнилось гулом ускорения. В многослойной сети дорог, ведущих во все уголки столицы, чувствовался ритм цивилизации, которая не просто жила – она стремилась, росла, искала путь вперёд.

Саэнфилд смотрел на всё это с тихой уверенностью: Империя движется вперёд, и он – часть этого движения.

Но где-то глубоко внутри уже рождалось ощущение, что сегодняшний путь станет началом перемен, которые коснутся не только города, но и самого времени.

Автомобиль плавно свернул к исследовательскому сектору – той части столицы, где воздух словно дрожал от концентрации идей, формул и технологий. Здесь, среди корпусов из стекла, металла и камня, рождалось будущее Империи. Здесь же, казалось, само время стало гибким и податливым, уступая место тем, кто осмеливался его изучать.

Институт, раскинувшийся на десятки квадратных километров, больше напоминал отдельный город – город мыслителей, изобретателей, создателей. Лаборатории, ангары, цеха, библиотеки, вокзалы, подземные хранилища – каждое здание было частью огромного механизма, работавшего без усталости. Знания текли по его коридорам подобно реке, питающей всё вокруг.

Над всеми корпусами возвышалась Башня Звёзд – древнейшее строение комплекса, ставшее его символом. Когда-то именно здесь был установлен величайший телескоп Империи, впервые увидевший парад планет. Теперь башня напоминала старого мудреца, наблюдающего за тем, как молодые силы науки стремятся к новым высотам.

Машина остановилась у дверей исследовательского крыла. Саэнфилд вышел и почувствовал знакомый запах – смесь холодного металла, чистых реагентов и слабой магической вибрации, что всегда витала над Институтом. Внутри его встретили приветствия учёных, спешащих по своим делам, и мерное жужжание механизмов.

В главном зале его ожидал директор исследовательского отделения. Голос директора разнёсся под сводами, наполненный ноткой гордости:

– Ваше Высочество, ваш заказ готов.

И вот – перед Саэнфилдом появился контейнер из каниума, металла, непокорного ни магии, ни электричеству. На его поверхности мигали датчики; замки, созданные специально под доступ маршала, ждали прикосновения хозяина. Внутри находился эксперимент 945 – маленький, но способный изменить ход истории.

Саэнфилд принял контейнер.

На мгновение на его лице мелькнула тень удовлетворённой улыбки – та, что возникает у человека, долго шедшего к цели и наконец приблизившегося к её порогу.

– Вы отлично поработали, – тихо сказал он.

Его голос не был громким, но в нём чувствовалась искренняя признательность. Учёные Института знали: Саэнфилд не раздавал похвал просто так.

Он повернулся и поспешил к машине. В это мгновение пространство вокруг будто слегка сжалось – как если бы невидимый наблюдатель задержал дыхание, предчувствуя грядущие события.

Галахад говорил по телефону, спешно извиняясь, но, заметив хозяина, вскрикнул:
– Ваше Высочество! Император уже ждёт!

Саэнфилд лишь кивнул.

Внутри него, под слоем спокойствия, нарастало ощущение, что контейнер в его руках – ключ. И что в будущем, которое пока скрыто туманом, этот ключ либо откроет путь миру, либо распахнёт двери перед бедой.

Он сел в машину, дверь мягко закрылась, и автомобиль тронулся в сторону Дворца Архангелов.

Машина стремительно набирала скорость, скользя по главной магистрали, словно по световой нити, натянутой между судьбами. Город вокруг сменял очертания – от исследовательских кварталов с их сверкающими стеклянными фасадами до строгих контуров башен, где заседала военная элита Империи.

Над дорогой раскинулась сеть порталов – сияющих кругов, похожих на разрезы в самой ткани мира. Они переливались мягким светом, будто приглашали войти в их глубину и одним шагом пересечь расстояние, которое обычным путникам потребовало бы часов. Саэнфилд спокойно наблюдал за тем, как машина вливается в поток порталной трассы: для него это было столь же привычно, как шаг через порог дома.

Стены Империи поднимались одна за другой – сначала седьмая, названная в честь Ронафа Альби, потом шестая, затем последующие кольца цивилизации. Каждая из них когда-то была бастионом, но теперь стала судьбоносной частью системы, защищающей город силовыми щитами. Их грандиозные структуры уходили вверх, теряясь в высотах, словно далекие границы возможного.

Когда в окне показалась первая стена – Стена Богов – Саэнфилд достал сигару.

Огонёк вспыхнул тихо, почти торжественно, и дым, поднимаясь к потолку салона, напоминал о том, как далеко ушла Империя от своих истоков и как легко любой прогресс может быть перечёркнут одним неверным шагом.

Через мгновение портал поглотил машину, и она вынырнула уже у подножия Дворца Архангелов – монументального здания, что возвышалось над столицей, будто сердце, управляющее кровотоком всей державы. Колонны, статуи, лестницы, уводящие ввысь, – всё здесь казалось неподвижным, вечным и в то же время живым, как организм, чувствующий дыхание своих правителей.

Автомобиль остановился.

Саэнфилд вышел и направился к входу. Его шаги эхом разносились под сводами, и каждый звук отражался как напоминание о том, что здесь принимают решения, определяющие судьбы миров.

На втором этаже, где располагались штабы армий и архивы, стоял гул голосов.

Великий Совет уже начался.

Саэнфилд вошёл в зал – и мгновенно ощутил напряжение, будто воздух вокруг был наэлектризован. Генералы спорили громко, почти перекрикивая друг друга; маршалы склонились над картами, отмечая места обороны и направления атак.

Он подошёл к столу и бросил на него доклад.

Бумаги рассыпались, словно отзываясь на его внутреннюю усталость.

– Это бессмысленно, – произнёс он, и голос его прозвучал твёрдо, хотя под ним скрывалась тревога. – Третья и четвёртая армии не прорвут фронт. Им не хватает всего – еды, амуниции, людей. А перебросить резервы мы не можем.

Слова ударили по залу, и маршалы заговорили страстнее – кто-то горячо поддержал Саэнфилда, кто-то резко возразил. Споры почти перешли в гнев, словно весь накопившийся хаос войны вырвался наружу через их слова.

И затем – властный, ледяной звук:

– Тихо.

Император встал. Его голос не был громким, но в нём звучала сила, от которой мгновенно замыкались все эмоции. Комната замерла. Взгляды – напряжённые, тревожные – разом обратились к нему.

В его вопросах о резервах, о тяжёлом оружии, о поставках чувствовалась усталость того, кто слишком долго несёт на плечах тяжесть бесконечных миров. Но за усталостью скрывалась нестигаемая воля.

Когда обсуждение завершилось, Император холодно произнёс:

– Все свободны. Саэнфилд – остаётся.

Маршалы поднялись, их голоса слились в единый возглас:

– Ол Хаиль Империя!

Они вышли, а Саэнфилд остался стоять перед своим правителем, понимая: самое важное решение этого дня ещё впереди.

Когда двери зала захлопнулись за последним генералом, пространство будто очистилось от гула голосов и тяжёлых споров. Воздух стал плотнее, тише – как перед началом важного ритуала. Саэнфилд стоял прямо, хотя чувствовал, что даже собственная тень словно вытянулась, ожидая.

Император повернулся к нему и жестом велел следовать за собой. Они двинулись по длинному коридору – тому самому, что соединял сердце дворца с его скрытыми глубинами. Потолки были высоки, украшены фресками, где история Империи сияла в красках: великие войны и великие союзы, рождение городов, падение тираний, первый полёт к иным мирам. На стенах висели портреты героев прошлых эпох, и казалось, что их взгляды следят за каждым шагом.

Пол под ногами был укрыт коврами чужеземной работы. Их узоры, извиваясь меж золота и алого, напоминали схемы порталов или чертежи древних машин. Всё здесь дышало мощью, накопленной веками.

В конце коридора Император приложил карту доступа к панели лифта, двери открылись, и оба вошли внутрь. Стены кабины были отражающими – тихо мерцали, словно плавились под светом невидимых источников.

Лифт понёс их вниз, туда, куда простым гражданам путь был закрыт. В этот момент голос Кριοлиса прозвучал особенно отчётливо – спокойный, но с тенью скрытого ожидания:

– Саэнфилд, как продвигается сборка хроноэлемента?

Маршал чуть склонил голову. Внутри него вспыхнула мысль: Император сегодня говорит так, будто перед ними не рядовой проект, а рубеж, который может изменить сам мир.

– Всё идёт по плану, Ваше Высочество. Через два дня мы начнём установку модуля и настройку системы.

Его голос был ровным, но под ним скрывался холодок. Хроноэлемент был не просто деталью – он был вызовом. И если расчёты верны, то он способен вмешаться в течение времени, нарушив ход естественных процессов.

В ответ Император улыбнулся почти незаметно, но в этой улыбке сквозило опасное вдохновение:

– Значит, скоро мы увидим первый пуск установки.

– Вероятность удачного запуска невысока, – тихо напомнил Саэнфилд. – Профессора оценивают её примерно в двадцать процентов.

– Двадцать – уже шанс, – прервал его Император. – Когда-то мы начинали с меньшего.

Лифт остановился. Двери разошлись, и перед ними открылся этаж, покрытый сетью порталов – каждый из них высился, как арка в новую реальность. Они переливались спокойной мощью, будто удерживали в себе силу целых миров.

Император подошёл к одному из них и обернулся:

– Жду детальный отчёт. Любая мелочь теперь важна.
Саэнфилд кивнул.

Но прежде чем Император ушёл, маршал решился на осторожное предупреждение – словно тень будущего заставила его говорить:

– Ваше Высочество... На западе есть подозрения о возможном теракте. Разведка говорит о странных признаках, связанных с недавней ассимиляцией территорий.

Криолис отмахнулся легко, почти с усталостью тех, кто видел слишком много угроз и научился отличать реальные от мнимых:

– Не придавай этому большого значения. Там ещё стоят войска. Проблем не будет.

И только эта фраза – едва слышная серебряная капля в тишине – заставила сердце Саэнфилда сжаться. Он почувствовал, что что-то в мире изменилось. Словно на нотном стане судьбы кто-то едва заметно сдвинул одну из линий.

– Всё, Саэнфилд. Свободен.

Лифт закрылся, оставив маршала в одиночестве перед множеством порталов.

Его взгляд упал на ладонь – она едва заметно дрожала.

Секунду он стоял неподвижно, словно пытаясь услышать дыхание самого времени.

Затем он выбрал ближайший портал и шагнул вперёд – туда, где ждали дела, где ждал дом... и где медленно начинала распускаться тень грядущего испытания.

Портальная арка вспыхнула мягким серебристым светом, и Саэнфилд шагнул вперёд – словно пересёк тончайшую границу между размышлениями и реальностью. На долю секунды мир вокруг дрогнул, утратил очертания, превратился в мерцающий поток света... и затем собрался вновь, уже другими красками, новым дыханием.

Он оказался в тихом помещении мэрии Токио – городе, который всегда встречал его особым спокойствием, будто знал его душу и умел унять напряжение, накопленное за долгий день. Воздух здесь был чище, мягче; в нём витал запах цветущих садов, отголоски живой музыки и аромат тёплого дерева, впитавшего в себя дыхание веков.

Когда он вышел в главный зал, присутствующие моментально поднялись. Люди разных народов и рас, служащие и посетители – все приветствовали его как давнего друга. Саэнфилд едва заметно кивнул в ответ; его шаги были размеренными, будто город сам подстраивался под ритм его движения.

Он направился к выходу.

И когда двери открылись, перед ним раскинулся Токио – жемчужина Империи, город, где древность не спорила с будущим, а переплеталась с ним в единую мелодию. Небесные огни и старинные постройки, поросшие мхом крыши, неоновые вывески, мосты, парки – всё здесь было согласовано, будто создано одной рукой художника, который любил гармонию и пространство.

Саэнфилд вдохнул глубже.

Город словно ответил на его дыхание – мягким шумом листвы, тихим перезвоном музыки, лёгким дрожанием огней, будто приветствовал старого покровителя. Здесь прошло немало лет его жизни: уроки, встречи, открытия. Здесь он искал вдохновения, здесь возвращался, чтобы вспомнить, ради чего стоит двигаться вперёд.

Пальцы автоматически нашли путь к портсигару. Он достал сигару, прикоснулся огнём к её краю – и тёплый дым, вырвавшись наружу, смешался с ароматом цветущей сакуры.

Токио всегда умел принимать его так, будто мир вокруг на мгновение замедлялся, позволяя взглянуть в будущее чуть яснее.

Улицы Токио встретили Саэнфилда спокойным вечерним светом – тем временем суток, когда город становится похож на огромный сад, где каждый огонёк – отдельный цветок. Над тротуарами медленно колыхались фонари, их тёплые отсветы ложились на мостовые, как золотые листья. Сквозь парк, где цвела сакура, проскальзывал ветер, разнося лёгкий дождь лепест-

ков – в нём было что-то обнадеживающее, словно само время, устав от бесконечного бега, решило притормозить рядом.

Музыка, звучащая в парке, будто стекала с ветвей вместе с цветами – живая, тихая, отражающаяся в глазах прохожих. Дети смеялись, пересекая дорожки, существ разных миров вели неспешные беседы, а старики на скамейках покачивали головами в такт мелодии. Саэнфилд прошёл мимо, позволяя городу обнять его теплом – Токио всегда знал, как смягчить тяжесть дня.

Через несколько улиц показалась вывеска бара «Аврора» – место, в котором жизнь становилась проще, чем снаружи. Здесь он бывал часто, словно возвращался к давнему другу, умеющему слушать без лишних вопросов. Перед входом стояла группа посетителей, оживлённо споривших о чём-то житейском; их голоса эхом растворялись в вечернем воздухе, создавая атмосферу домашнего уюта.

Саэнфилд вошёл внутрь.

Тёплый свет барных ламп мягко очертил силуэты людей. Запах древесины, пряных настоек и свежего эля обволакивал пространство. Бармен, заметив его, едва заметно улыбнулся – в этой улыбке читалась привычка и уважение.

– Пинту эля со льдом, – сказал Саэнфилд.

Рядом, задумчиво крутя коктейльную соломинку, сидела девушка с длинными волосами. Она выглядела погружённой в свои мысли, словно и сама была отражением того тихого вечера.

Бармен поставил перед ним кружку.

– Тяжёлый день, ваше высочество?

Саэнфилд отпил первый глоток – холодный эль, словно струя воздуха после длительного бега, прошёлся по нему облегчением.

– Споры... и бесконечные бумаги, – ответил он устало.

В голосе слышалось скрытое напряжение – то самое, что он принёс из Совета. Но «Аврора» не задавала вопросов. Это место умело хранить молчание.

Когда кружка была пустой, Саэнфилд расплатился и вышел на улицу. Небо уже окрасилось в глубокие фиолетовые оттенки, и огни города мерцали как рассыпанные по полотну звёзды. Время, казалось, тихо текло вдоль его шагов – мягко, не спеша, с уважением к человеку, который ещё недавно держал в руках судьбы фронтов и технологические тайны.

Дорога домой была спокойной.

Когда он вернулся к резиденции, на улицах уже зажглись фонари, освещая ворота мягким золотом. Внутри дома его встретили служанки – светлые, милые голоса наполнили холл, словно тёплый ветер.

– Добрый вечер, ваше высочество!

– И вам доброй ночи, – ответил он и направился к кабинету.

Ступени под его ногами казались тише обычного – будто дом тоже чувствовал приближение перемен.

И, быть может, именно в эту тишину и должен войти следующий пункт – тот, где судьба наконец делает шаг навстречу.

Когда двери кабинета мягко закрылись за его спиной, дом погрузился в спокойствие ночи. Здесь, на верхнем этаже, воздух был тише, и казалось, что стены слышат даже дыхание. Луна скользила по стеклу длинной бледной лентой света, утончённо очерчивая контуры мебели, книг, картин – всё казалось частью одного большого ожидания.

Саэнфилд остановился на мгновение, прислушиваясь.

Иногда ночи бывают такими: они словно держат руку на плече, молча предупреждают, что завтра будет не похоже на вчера. И сегодняшняя ночь была именно такой.

– Совсем скоро всё изменится... – тихо сказал он, сам себе, будто проверяя звук своих мыслей.

Он нажал на скрытую кнопку, встроенную в панель у стены. Механизм с едва слышным шорохом пришёл в движение – и из пола поднялся стол, гладкий, идеально чистый, словно созданный для единственного предмета. Саэнфилд осторожно поставил на него контейнер из каниума, замки которого мягко вспыхнули от его прикосновения.

Внутри – маленькая колба.

Хроноэлемент.

На первый взгляд – крошечная искра, тонкий сосуд со странным светом, будто внутри мерцала сжатая звезда. Но Саэнфилд знал: эта микроскопическая субстанция способна сделать то, что ещё недавно считалось невозможным. Она могла согнуть время, смешать секунды, растянуть часы, тронуть саму ось мироздания.

Он взял колбу в руку.

Свет внутри неё дрогнул – словно отозвался, будто понял, что его наконец выпустили из многомесячных расчётов, споров и тончайших чертежей.

– Новый скачок... – прошептал маршал. – Следующая ступень.

В его глазах отражался тот же сияющий свет – как у человека, видящего перед собой не просто эксперимент, а создание новой эпохи.

– Мы стоим на пороге, – продолжил он. – Пороге, который изменит ведение войн, раскроет новые горизонты... и, возможно, откроет двери, которые лучше было бы держать закрытыми.

Комната наполнилась тихим звоном ночи: далёкий шум деревьев, почти неслышное дыхание дома, лёгкое гудение механизмов. Всё вокруг будто внимало словам Саэнфилда.

Он поставил колбу на стол и склонился чуть ближе – точно к молитве перед алтарём.

В этот момент слабая тень пробежала по стеклу окна. Ночь дрогнула, словно сама чувствовала: отныне время перестанет быть тем, чем было всегда.

И Саэнфилд, не подозревая, насколько велик будет этот шаг, смотрел на хроноэлемент с тем самым ощущением, которое предшествует великим переменам.

С наступлением следующего дня мир уже не будет прежним.

Глава 2: «Странные обстоятельства»

Утро на полигоне начиналось не с рассвета, а с звуков работы. Казалось, сама земля затаила дыхание, наблюдая, как десятки людей, машин и приборов сплетают свои усилия в единый ритм. Над равниной простиралось прозрачное небо, без единого облака – будто природа решила не мешать тому, что сегодня должно было произойти.

Инженеры, сосредоточенные и точные, словно хирурги, проходили вдоль металлических конструкций. Их руки уверенно скользили по кабелям, панелям и датчикам, проверяя каждую мелочь. В свете утреннего солнца приборы блестели холодным сиянием, как оружие, приготовленное не для битвы, но для познания самой сути мироздания.

Учёные стояли возле пультов, заполняя последние строки в расчётах – те самые, которым предстояло определить судьбу эксперимента. В их взглядах сияла усталость ночных обсуждений, но поверх усталости – то почти детское, но редкое чувство ожидания чуда. Ведь сегодня они собирались нажать на кнопку, что может изменить не только науку, но и саму ткань времени.

Техника завершала свои маршруты: грузовые платформы гудели низко, как огромные звери; лёгкие машины ровно двигались между секторами, доставляя оборудование. Всё казалось частью большого механизма, в котором не было лишних звеньев.

В воздухе чувствовалось что-то большее, чем просто рабочая суета.

Будто над степью уже возникал едва ощутимый резонанс – предвестник того, что сегодня будет сделан шаг в сторону неизведанного.

И каждый, кто находился на полигоне, понимал это, даже если не решался произнести вслух.

Полигон раскинулся среди огромных казахстанских степей – пространства столь безграничного, что его тишина казалась частью вечности. Здесь ничто не нарушало горизонт: земля и небо сходились в тонкой линии, словно граница между мирами была обозначена рукой самого времени. Эта пустота была идеальным свидетелем для того, что вскоре должно было случиться.

В центре равнины высилась сорокаметровая вышка – тонкая, будто вытянутая к небесам спица, украшенная металлическими кабелями, светящимися в лучах солнца. В её сердце находились активаторы – устройства, чьи нити были связаны с будущим эксперимента. Они стояли неподвижно, но вокруг них будто ощущалась слабая вибрация, подобная дыханию спящего титана.

Вокруг вышки раскинулся исследовательский городок – маленький островок разума и технологии среди бесконечного простора. Белые корпуса лабораторий, аккуратные блоки жилых помещений, антенны связи, контейнеры с оборудованием – всё было упорядочено так, что казалось продолжением чьей-то точной мысли. Люди в белых и серых халатах скользили по дорожкам, каждый погружён в свою задачу, каждый часть общего узора.

На холмах, в пятидесяти километрах, возвышался наблюдательный пост. Отсюда степь была словно огромной чашей, откуда можно было увидеть каждый отблеск света, каждый намёк на перемену. Пост был построен так, чтобы укрыть людей, но открыть обзор небу и земле – стеклянные панели отражали солнечные лучи, а оборудование внутри мягко гудело, словно настраивалось на волну будущего.

Погода была идеальна, будто сама природа решила стать союзником учёных.

Солнце стояло высоко, воздух был прозрачен, ветер едва касался трав – лёгкий, почти почтительный. Казалось, степь ждёт.

Ждёт момента, когда свет, звук и время сольются в один взрывной миг, и этот миг расскажет миру нечто новое, неведомое.

И люди, собравшиеся здесь, чувствовали это – пусть каждый и по-своему.

Кто-то – с восторгом.

Кто-то – с тревогой.

А кто-то – с тихим ощущением, что эта пустынная равнина однажды станет частью легенды.

Вскоре по всей территории полигона прокатился едва уловимый сигнал – короткий тон, призывающий всех сосредоточиться. Он прозвучал мягко, почти как дыхание, но каждый, кто услышал его, понял: подготовка подошла к концу.

С вышки один за другим начали спускаться инженеры. Их обувь тихо стучала по металлическим ступеням, а лица были серьёзны, хотя в их взглядах ещё блестели искры адреналина – всё-таки им только что довелось касаться механизмов, которые могли стать поворотным моментом в истории. На солнце их каски блестели, как маленькие зеркала, отражая небо, словно напоминая, что сегодня им предстоит шагнуть чуть ближе к звёздам.

Один из учёных, худощавый мужчина с едва заметной седой прядью в волосах, быстро подошёл к Саэнфилду. Он держал планшет так, словно это был не просто прибор, а сердце предстоящего эксперимента.

– Господин, всё готово к испытаниям! – его голос прозвучал громче, чем требовал момент, будто он сам ещё не до конца верил, что действительно может произнести эти слова.

Саэнфилд сделал шаг вперёд.

Его взгляд на мгновение задержался на горизонте – там, где степь, такая спокойная и нерушимая, ожидала грядущего всплеска силы. Он чувствовал, что сегодняшний день станет началом цепи событий, которые уже не остановить.

– В таком случае... начинаем, – произнёс он тихо, но так, будто его слова легли прямо в основу окружающего мира.

В этот момент что-то словно изменилось в воздухе.

Инженеры замерли, учёные переглянулись, а техника, казалось, затаила свой гул. Всё вокруг на секунду перестало быть просто пространством – оно стало ареной для события, которое может стать первым шагом в сторону нового понимания времени.

Саэнфилд поднялся на центр зала наблюдательного поста. Свет больших экранов отразился на его лице, оттеняя его черты более резкими линиями. Он вдохнул – и начал свою речь, обращаясь к тем, кто собрались здесь не просто как свидетели, но как создатели нового рубежа.

В этот миг всё внимание мира – пусть пока только маленькой его части – было сосредоточено на нём.

И каждый слушал, зная: сейчас начнётся то, что изменит ход истории.

В зал наблюдательного поста внесли корпус установки. Он двигался медленно, на антигравитационных платформах, словно корабль, несущий в себе не просто металл, а будущий ход истории. Металл его панелей блеснул тусклым серебром, отражая свет так, будто внутри скрывалось нечто живое, ещё не проснувшееся.

Следом двое ассистентов внесли чёрный кейс – строгий, гладкий, будто сшитый из ночи, наполненной тайнами. Каждый, кто видел этот кейс впервые, испытывал странное чувство: лёгкое дрожание воздуха рядом с ним, едва ощутимую волну напряжения. Казалось, он несёт в себе не предмет, а возможность.

Саэнфилд подошёл ближе. Его голос, ровный и уверенный, прозвучал над залом:

– Дорогие коллеги и гости... Сегодня мы собрались, чтобы стать свидетелями рождения инструмента, который способен изменить саму ткань времени.

В зале установилась тишина – глубокая, почти священная. Казалось, даже приборы замедлили свой гул, чтобы не нарушать этот момент.

Он открыл кейс.

Щелчок замков прозвучал как отсчёт.

Крышка медленно поднялась, и внутренний свет озарил его лицо мягким отражением. Внутри лежал хроноэлемент – маленькая колба, наполненная мерцающим веществом, которое будто жило своей собственной микроскопической жизнью. Словно внутри него была заключена вспышка звезды, застывшая в стёклах пространства.

Глаза присутствующих невольно следили за каждым движением Саэнфилда. Он поднял колбу, и свет хроноэлемента дрогнул, словно откликнулся на его тепло.

– Это... – продолжил он, – новый виток в истории Империи. Первый в мире элемент, способный не разрушить время, но стереть его следы, изгладить целые мгновения. И сегодня мы станем свидетелями первого шага в эту неизведанную область.

Слова его звучали не как сухой доклад, а как заявление перед эпохой.

Учёные переглянулись, кто-то задержал дыхание. Даже самые скептические из присутствующих почувствовали лёгкий холодок на коже – то ли от волнения, то ли от понимания того, что человечество сейчас вступает в зону, где законы мира становятся податливыми.

Саэнфилд шагнул к корпусу установки.

Он вставил хроноэлемент в сердцевину – в специально подготовленную ячейку, окружённую золотистыми контурами проводников. Когда колба вошла на место, прибор издал тихий звонкий звук, похожий на пробуждение.

Корпус закрылся, и механизм внутри впервые за долгое время почувствовал завершённость – словно пазл, который наконец обрёл недостающий элемент.

– Приступаем, – сказал Саэнфилд.

И воздух вокруг будто сжался, ожидая продолжения – того, что станет началом цепи событий, уже тянущей за собой тень будущего.

Корпус с установленным хроноэлементом двинулся к вышке. Платформа несла его аккуратно, почти бережно – словно сама техника понимала, что внутри неё заключено не просто устройство, а ключ к тому, что может изменить смысл времени. Металл корпуса поблёскивал в солнечном свете, каждая грань отражала степь, словно запоминая её перед неизбежным всплеском энергии.

Саэнфилд и группа учёных вышли на наблюдательную площадку. Здесь, на высоте, где ветер был чуть холоднее, чем внизу, мир казался особенно ясным. Степь лежала перед ними, как огромный безмолвный лист, на котором вот-вот появится новая, ещё неведомая строка истории.

– Защитные очки, – раздалась команда.

Люди подчинились молча. По очереди щёлкнули защитные крепления, линзы на глазах присутствующих поблёскивали, словно глаза существ, готовящихся увидеть нечто, что раньше никто не видел. Всё вокруг стало чуть темнее – но от этого реальность лишь обрела более чёткие контуры.

Учёные заняли свои места за пультами.

Индикаторы замигали ровными ритмами.

На панелях вспыхнули графики.

Аппаратура оживила.

– Измерительные системы готовы. Регистрирующая аппаратура включена, – произнёс один из операторов. Его голос был спокоен, но в нём угадывалось напряжение: никто точно не знал, как поведёт себя впервые активированный хроноэлемент.

Саэнфилд стоял немного впереди остальных. Ему казалось, что время уже слегка тянется – будто само пространство прислушивается к тому, что вот-вот произойдёт. Он ощущал этот едва заметный внутренний сдвиг, знакомый ему из редких, почти мистических мгновений собственной жизни.

Гул динамиков разнёсся по залу:

– Начинаем обратный отсчёт.

Экран вспыхнул белыми цифрами.

10...

Ветер изменил направление, будто пытаясь отступить.

9...

Металл вышки заискрил в солнечных лучах.

8...

В воздухе возник еле ощутимый звон – как натянутая струна.

7...

Учёные невольно задержали дыхание.

6...

Саэнфилд почувствовал, как внутри поднимается странное, тихое волнение.

5...

Сердце степи, казалось, замедлило свой ритм.

4...

Солнечные лучи дрогнули на корпусе установки.

3...

Индикаторы загорелись алым.

2...

Мир на мгновение стал абсолютно неподвижным.

1...

– Пуск!

И в эту секунду всё вокруг вспыхнуло.

Яркий фиолетовый свет, тёплый, почти осязаемый, вырвался из центра вышки, ослепляя даже сквозь защитные линзы. Взрыв не был похож на обычный – он был тихим, но мощь его ощущалась кожей. Воздух рванулся вперёд, трава вокруг наклонилась в одну сторону, а затем что-то невидимое начало всасывать материю внутрь – осторожно, как дыхание огромного существа.

Не было грохота.

Не было огня.

Только свет и странное движение пространства – будто само время на секунду согнулось.

В зале раздался голос:

– Господин, всё прошло согласно расчётам!

Но Саэнфилду казалось, что в самом воздухе осталось тонкое, почти незаметное эхо – будто мир, получив эту вспышку, ещё не успел понять, чем она для него обернётся.

Фиолетовое сияние постепенно рассеялось, будто растворилось в самом воздухе. Трава, склонённая силой выброса, медленно выпрямлялась. Тени вновь легли на степь привычными линиями. Казалось, мир осторожно возвращался к нормальности – но слишком уж медленно, словно не до конца уверенный, что опасность действительно миновала.

В зале наблюдательного поста наступила тишина. Она была плотной, почти вязкой – той, что появляется после события, способного изменить привычную картину мира. Каждый человек в помещении чувствовал её, но никто не решался нарушить её первыми словами.

И всё же оператор, переглянувшись с коллегами, произнёс:

– Господин... Все показатели соответствуют расчётам. Аномальных колебаний не зафиксировано. Испытание можно считать успешным.

Его голос дрожал лишь едва заметно, но дрожал – как у человека, который стоял на краю бездны и вдруг понял, что земля под ногами выдержала.

Саэнфилд кивнул.

Не триумфально – а спокойно, даже слишком спокойно. В его лице не было лёгкости. Внутри него, как тонкая струйка холода, оставалось ощущение, что всё прошло слишком гладко.

– В течение трёх часов после рассеивания снимите все данные, – сказал он, глядя в сторону мерцающих мониторов. – И немедленно отправьте отчёты в Институт.

Учёные закивали, поспешно возвращаясь к своим приборам. С самого момента вспышки их руки будто стали быстрее: каждый понимал, что любая мелочь может оказаться важнее, чем кажется.

Саэнфилд не задерживался.

Он надел плащ, привычным жестом поправил ворот и направился к выходу. На ходу достал сигару – резкий запах табака стал единственным земным якорем среди тех мыслей, что витали в его голове. Обычный жест, но в нём была попытка вернуть себе устойчивость.

За дверью его ждала машина. Воздух снаружи был тёплым, наполненным солнцем и полевыми запахами, но в нём ощущалась странная вибрация – неуловимая, чуть звенящая. Может быть, это была лишь игра ветра... но Саэнфилд остановился на секунду, прислушиваясь.

Тишина степи казалась слишком ровной.

Он шагнул вперёд.

И только собираясь сесть в автомобиль, услышал позади:

– Ваше высочество! Подождите!

Голос был взволнованным, быстрым, почти треснувшим от внутреннего давления. Но это – уже начало следующей части истории.

Саэнфилд уже касался дверцы машины, когда голос, прозвучавший из-за его спины, остановил движение – словно тень будущего внезапно легла на дорогу перед ним.

– Ваше высочество, подождите!

Он обернулся.

К нему, почти бегом, спешила девушка – тонкая, хрупкая, с выбившимися из причёски прядями. В руках она прижимала кейс и портативный компьютер, будто оба предмета могли в любую секунду выскользнуть из уставших пальцев. Это была Алия – одна из молодых специалистов хронометрического отдела, талантливая до гениальности и всегда спокойная. Но сейчас спокойствия в ней не было ни на круплицу.

Её дыхание сбилось, но она всё равно сказала громко, с тревогой, которую невозможно было скрыть:

– Ваше сиятельство, я должна... я обязана поговорить с вами прямо сейчас!

В голосе – отчаяние.

В глазах – паника, будто она увидела то, что не должна была видеть.

Саэнфилд нахмурился, гаснущую сигару он сжал в пальцах.

– Алия, если это не касается сегодняшнего испытания, поговорим позже. Я тороплюсь к Его Высочеству.

– Но как раз касается! – почти выкрикнула она, шагнув ближе. – Если вы сейчас уедете, могут начаться проблемы, о которых ещё рано говорить вслух!

У неё дрожали руки.

Кейс вибрировал – закрытые внутри приборы продолжали что-то фиксировать в фоновом режиме.

Саэнфилд молчал. Он умел отличать громкие тревоги от настоящих. А сейчас перед ним стояла девушка, чьи знания и точность расчётов не раз спасали проекты от ошибок. И она явно не преувеличивала.

– Говорите, – сказал он наконец. – Коротко.

Алия открыла компьютер и повернула экран к нему. На чёрном фоне мерцали графики – зигзаги энергии, превышающие норму, всплески, которых быть не должно.

– Мы зафиксировали выбросы... огромные выбросы, – она показала на пиковую зону. – И не один. Несколько. В разных частях полигона. Они не совпадают по времени, но связаны с точкой пуска. Это... это похоже на разрывы временной ткани.

Саэнфилд почувствовал, как что-то внутри едва заметно сжалось – тонкая, колкая нить, натянутая между тревогой и холодным расчётом.

– Аномалии? – спросил он. – Подтверждение есть?

– Пока только косвенные показатели, – она сглотнула. – Но если разрывы начнут расти... последствия будут непредсказуемыми. Мы не знаем, как поведёт себя пространство. Или время. Или... люди.

Наступила короткая, тяжёлая пауза.

Шум степного ветра, машины и далёкие голоса учёных слились в один ровный фон, будто природа сама отступила назад, давая место этому разговору.

Саэнфилд прикрыл глаза на секунду – только одну, чтобы обдумать.

Когда открыл – говорил уже спокойно, так, как говорят люди, привыкшие принимать решения под давлением вселенной.

– Прекратить работы нельзя. Но вы продолжайте наблюдение. Усиьте контроль. И немедленно сообщайте мне, если показатели начнут расти.

Алия выдохнула – то ли от облегчения, то ли от того, что ожидала иных слов. Она кивнула быстро и глубоко.

– Да, ваше высочество.

Саэнфилд бросил сигарный окурочок в урну, сел в машину и сказал:

– Во Дворец Архангелов.

Дверь закрылась, мотор загудел, и машина плавно тронулась вперёд.

Алия осталась на месте – маленькая фигура среди огромной степи, держащая в руках кейс, внутри которого, возможно, билось первое беспокойное сердце будущей катастрофы.

Машина плавно набирала скорость, и степь, ещё недавно казавшаяся бесконечной, постепенно растворялась за стеклом – словно уносила с собой фиолетовый отблеск вспышки и холода, пробежавший по коже после слов Алии. Но внутри Саэнфилда не исчезало ощущение, которое появилось сразу после пуска: будто в воздухе осталось что-то недосказанное, тонкое, как невидимая трещина на стекле.

Он всегда умел чувствовать перемены раньше других.

Это ощущение проявлялось редко, но каждый раз – точно.

Саэнфилд поднёс к губам новую сигару, позволив огоньку мягко вспыхнуть. Горьковатый дым заполнил салон лёгкой завесой, и на мгновение ему удалось задержаться в привычном ритуале, который всегда помогал приводить мысли в порядок. Однако спокойствие не приходило. Напротив – в глубине сознания что-то настойчиво шептало, как тень, знающая правду раньше человека.

Он смотрел на пролетающие мимо горизонты, на длинные полосы дорог, пересекающие степную пустоту, и чувствовал, что каждое движение машины – словно обратный отсчёт к разговору, от которого зависит слишком многое.

– Слишком гладко, – прошептал он скорее себе, чем кому-то. – И слишком тихо.

Он вспомнил графики, что Алия показывала ему в последние секунды перед отъездом. Всплески энергии. Неправильные, несинхронизированные, похожие на пульсацию живого организма, который только начал просыпаться.

Это не было обычным последствием.

Не было простым шумом приборов.

Это было... чем-то другим.

Галахад, сидевший на переднем сиденье, бросал короткие взгляды в зеркало – он чувствовал настроение хозяина, даже если тот не произносил ни слова. Но Саэнфилд не нуждался

сейчас в разговорах. Он наблюдал, думал, собирал воедино несвязанные ещё кусочки будущего.

Дорога становилась всё ровнее, а степь постепенно уступала место городским окраинам столицы. Гладкие линии инфраструктуры, мощные колонны, механические башни и антенны – всё это поднималось навстречу, словно Империя сама протягивала ему руки.

Но ощущение тревоги не исчезало.

Наоборот – чем ближе к столице, тем отчётливее становилось.

Когда вдали показались шпили Дворца Архангелов – светлые, величественные, уходящие в облака – Саэнфилд понял: его ждёт не только доклад.

Его ждёт день, который изменит течение событий.

Он отбросил остаток сигары, расправил плечи и позволил себе лишь одно короткое, глубокое дыхание.

– Что бы ни случилось, – тихо сказал он себе, – назад пути больше нет.

Машина свернула под арку внешних ворот дворца, и впереди открылась дорога, ведущая к месту, где ожидала История – всегда холодная, всегда требовательная, всегда готовая распахнуть двери только перед теми, кто готов сделать шаг в неизвестность.

Когда автомобиль остановился у главного входа, Саэнфилд на мгновение задержался, прежде чем выйти. Дворец Архангелов возвышался перед ним во всей своей величественной тишине – белоснежный, словно вырубленный из света, и в то же время тяжёлый, как вековая скала, на которой держится всё государство.

Его шпили уходили в небо, будто пытаясь пробить облака и достать до самого солнца.

И каждый раз, входя сюда, Саэнфилд ощущал то же чувство: будто даже воздух внутри дворца несёт следы истории, каждой победы, каждого решения, каждого имени, вписанного в судьбу Империи.

Галахад поспешил открыть дверцу. Саэнфилд вышел, и прохладный воздух столичного центра мягко коснулся его лица. Под сводами ворот было тихо, почти священно. Только шаги гвардейцев раздавались ровно – настойчивыми ударами, похожими на гул великого сердца.

Он прошёл по широкой лестнице и вошёл внутрь.

Коридоры Дворца Архангелов всегда казались ему хранилищем миров, сплетённых воедино.

На стенах – символы народов Империи: кандзи древних династий, алфавиты южных королевств, рунические знаки северных родов, узоры степных племён. Здесь жили не просто власти – здесь жила память о тех, кто решил однажды идти вперёд, несмотря на хаос, войны и туман времени.

Служащие, увидев Саэнфилда, замедляли шаг и склоняли головы.

Он отвечал коротким кивком – уважительным, но не отвлечённым. Сегодня его мысли были слишком заняты.

Тишина вокруг становилась плотнее.

С каждым шагом она росла, как волна, которая не бьётся о берег, а подступает, неся с собой предвестие перемен.

Алия, графики, вспышка фиолетового света...

Нечто внутри него всё ещё шептало:

испытание прошло не так, как должно было.

Но сейчас время сомнений закончилось.

Скоро он войдёт в кабинет, где его ждёт Император.

А Император умел слышать даже то, что не было произнесено.

Саэнфилд остановился перед массивными дверями из тёмного дерева.

Они были украшены выгравированным символом – крыльями, охраняющими солнце. Стражник приложил руку к сенсору, механизм щёлкнул, и створки начали расходиться, плавно, как волны великого океана.

Впереди его ждал кабинет – и разговор, от которого зависело направление всей эпохи.

Саэнфилд выдохнул тихо, но глубоко, и сделал шаг вперёд.

Кабинет Императора встретил Саэнфилда тишиной, не похожей ни на одну другую. Это была тишина, способная удерживать вес столетий – будто каждый звук, каждое слово, произнесённое здесь, растворялось не в воздухе, а в самой истории Империи.

Комната была высокой и светлой.

Сквозь огромные окна мягко падал солнечный свет, отражаясь на мраморном полу, словно на поверхности неподвижного озера. На стенах висели картины, написанные мастерами разных эпох: войска на дальних фронтах, корабли в космических портах, древние города, исчезнувшие, но не забытые. Каждая картина была не просто искусством – она была свидетельством, что Империя всегда шла вперёд, даже когда путь лежал через туман.

Император стоял у окна спиной к двери.

Его силуэт был торжественно-спокоен: прямая спина, руки, сложенные за спиной, взгляд, устремлённый вдаль, будто через стекло он видел не улицы столицы, а океаны будущего, ещё не прорисованные на картах.

– Ваше высочество, – произнёс стражник, – маршал Саэнфилд прибыл.

Император обернулся.

Его лицо было знакомо каждому гражданину Империи: черты благородные, строгие, но лишённые холодности. Взгляд – ясный, глубокий, как утреннее небо, в котором отражалась сила, не нуждающаяся в громкости. Он выглядел человеком, который видел слишком много, но не позволил миру сломить себя.

– Саэнфилд, – сказал он мягко. – Входите.

Маршал склонил голову и подошёл ближе.

Император жестом указал на кресло напротив. Они сели – как два человека, чьи жизни давно переплелись не властью, а общим чувством долга.

– Расскажите, – сказал Император. – Как прошли испытания?

Саэнфилд коротко кивнул.

– Испытание проведено. Хроноэлемент проявил себя стабильно. Отклонений во время пуска не зафиксировано. Активаторы отработали точно по расчётам. По предварительным данным – эксперимент можно считать успешным.

Слова звучали уверенно, но внутри маршала была та самая тонкая заноза, не дающая покоя. Император почувствовал это – он всегда чувствовал то, что другие старались скрыть.

– Но? – тихо спросил он.

Одно слово, но в нём – целый мир.

Саэнфилд выдержал паузу, внимательно смотря на Императора.

– Но мне кажется, что пуск прошёл слишком идеально. Не так, как обычно проходит работа с неизвестными типами энергии. Слишком гладко. И... присутствуют отдельные параметры, которые мы ещё изучаем.

Император не удивился. Он слегка наклонил голову, словно подтверждая: я ожидал этого.

– Мир меняется, Саэнфилд, – сказал он. – И мы с вами изменяем его вместе с ним. Иногда гладкость – это лишь маска, скрывающая то, что готовится проявиться позже.

Маршал молча кивнул.

Они оба знали, что такие разговоры редко бывают прямыми.

Император поднялся и подошёл снова к окну.

– Вы сделали важный шаг. И за этот шаг я благодарен вам. Но сегодня у меня есть к вам новая просьба – задание, которое требует не только вашего ума, но и вашей силы.

Саэнфилд встал.

– Я готов.

Император обернулся – его взгляд был уже иным.

Не просто спокойным, а наполненным решимостью.

– Тогда слушайте. Отправитесь в Королевство Гандеруден. Там вас ждёт встреча, которая может изменить политическую карту. Принцесса нуждается в наставнике. Король – в союзнике. А Империя – в вашей дипломатии.

В кабинете повисло спокойное, уверенное молчание – то самое, что предшествует решениям, меняющим эпохи.

Император сделал несколько медленных шагов вдоль окна, словно выверяя каждое слово, которое собирался произнести. Свет ложился на его лицо мягкими отблесками, подчёркивая усталость человека, несущего на плечах вес целой эпохи.

– Гандеруден, – произнёс он тихо, так будто имя королевства было не просто названием страны, а узлом на нити судьбы. – Мирный, сильный, богатый традициями. Но теперь он стоит на распутье. И каждый шаг, который сделает их король, может изменить баланс наших земель.

Саэнфилд слушал внимательно. Он понимал: Император никогда не говорил так подробно, если дело не имело особой важности.

– Принцесса Каура, – продолжил Император. – Умна, талантлива, но слишком молода. Ей нужен наставник. Кто-то, кто направит её, расширит взгляд, научит видеть мир не только через блеск титула, но и через призму больших решений. У короля есть амбиции, но нет уверенности. А у Империи... – он задержал дыхание, – у Империи есть шанс укрепить союз там, где он сейчас тонок, как лед под весенним солнцем.

Саэнфилд чуть наклонил голову.

– Вы хотите, чтобы я стал наставником наследницы?

– Да. И не только наставником, Саэнфилд. Послом. Советником. Голосом Империи. Возможно, даже другом... если она позволит.

Император подошёл ближе.

– Я посылаю вас не как маршала, а как человека, чьи суждения я ценю выше всех. Они доверятся вам – я уверен в этом. А вы, в свою очередь... подсказали бы им путь, который ведёт к стабильности.

Наступила пауза. В свете кабинета она ощущалась почти материальной.

– Идёт война за будущее, Саэнфилд, – сказал Император едва слышно. – Она не всегда начинается со звона клинков. Иногда – с дипломатической улыбки. С протянутой руки. С мягкого слова, сказанного в нужный момент.

Маршал вдохнул глубже. В его голове промелькнули десятки образов: бескрайние степи, фиолетовая вспышка, графики Алии, тревожное "слишком гладко", которое преследовало его с полигона... И теперь – это поручение, неожиданно глубокое и обременённое скрытым смыслом.

– Когда я должен выехать? – спросил он.

Император смотрел на него так, будто сквозь маршала видел саму ткань будущего.

– Завтра. А сегодня... – он впервые за весь разговор позволил себе небольшую, почти незаметную улыбку. – Сегодня вам стоит отдохнуть. Ночь всё равно принесёт свои мысли – не стоит встречать их уставшим.

Саэнфилд склонил голову.

– Мне будет оказана честь выполнить ваше поручение.

Император кивнул.

Но в его глазах, глубоких и спокойных, промелькнуло что-то ещё – знание того, что путь к Гандерудену может стать для Саэнфилда дорогой, на которой человек меняется навсегда.

Саэнфилд вышел из кабинета медленно, будто каждый шаг должен был улечься в пространстве прежде, чем он сделает следующий. За массивными дверями снова встретила тишина дворцовых коридоров – но теперь она была не благоговейной, а напряжённой, словно сама архитектура чувствовала, что на плечи маршала легла новая нить судьбы.

Тонкие лучи света падали сквозь высокие окна, ложились на мрамор и отражались в золотых узорах пола, будто указывая путь наружу. Он прошёл мимо гвардейцев, мимо символов народов Империи, мимо портретов людей, чьи решения однажды изменили мир.

Сегодня он невольно чувствовал себя одним из них.

Галахад ждал у лестницы. Увидев Саэнфилда, он сразу выпрямился.

– Всё в порядке, ваше высочество?

Саэнфилд кивнул – коротко, но тяжело.

– Едем.

На улице воздух был свежим и немного влажным, как бывает перед дождём, которого в столице уже давно не было. Словно погода решила отразить внутреннее состояние города – или самого Саэнфилда. Машина плавно тронулась, отдаляясь от дворца, и шум города постепенно вступал в свои права.

Но едва они выехали на главную магистраль, карманный коммуникатор Саэнфилда завибрировал.

На экране высветилось имя:

Дэлиан Морт, глава хронометрического отдела.

Саэнфилд мгновенно ответил.

– Докладывайте.

Голос Морта был напряжённым – в нём не было обычной сдержанности.

– Ваше высочество... у нас проблемы. И серьёзные. После вашего отъезда показатели начали вести себя... нестабильно. Мы фиксируем новые всплески энергии – хаотичные, непредсказуемые. В некоторых точках приборы на долю секунды пропадают. Просто выключаются, словно их что-то выдёргивает из пространства.

Саэнфилд почувствовал, как внутри нарастает холод – тихий, уверенный, как шаг человека, который приближается в темноте.

– Алия с вами? – спросил он.

– Да. Она и Фронтель не отходят от пультов. И... – Морт запнулся, что для него было необычно. – Похоже, на полигоне начали возникать объектные провалы. Не полные, не опасные для жизни – но... такие, которых мы не видели никогда.

– Иными словами, – медленно сказал Саэнфилд, – пространство ведёт себя неправильно.

– Да, ваше высочество.

В салоне на мгновение повисла глубокая тишина. Даже двигатель машины казался тише обычного.

Галахад, не слышавший разговора, взглянул в зеркало, уловив перемену в выражении лица маршала. Но Саэнфилд молчал – он думал. И его мысли, плотные и тяжёлые, тянулись обратно, к фиолетовой вспышке, к тревожным графикам Алии, к странному, почти мистическому ощущению, которое появилось в момент пуска.

Слишком гладко. Слишком тихо. Слишком просто.

– Держите меня в курсе каждого изменения, – сказал он наконец. – Каждого. Ничего не скрывать.

– Разумеется, ваше высочество. Я пришлю новую выборку данных через час.

Связь прервалась.

Саэнфилд сунул коммуникатор обратно в карман, но его пальцы дрогнули – едва, но достаточно, чтобы он осознал: тревога перестала быть предположением. Она становилась фактом.

– Всё плохо? – осторожно спросил Галахад.

Саэнфилд взглянул в окно, на отражение города в стекле – и ответил тихо:

– Всё... начинается.

И хотя день ещё держался на свету, в его голосе уже звучал предвестник той тени, что медленно надвигалась на Империю.

Верфь встретила Саэнфилда запахом металла, масляных паров и далёкого гула двигателей – тем густым, живым дыханием, которым дышат только те места, где рождаются машины, предназначенные для неба. Здесь, среди гигантских корпусов и подвесных мостков, всегда ощущалась энергия движения: словно каждое сооружение, каждая стальная балка была частью огромного сердца, бьющегося ради будущего.

Машина плавно остановилась у центрального ангара. Саэнфилд вышел, поднял взгляд – и перед ним раскинулся монументальный силуэт дирижабля линкорного класса. Он был огромен, почти величественен, словно страж, созданный не просто для путешествий, а для защиты небесных границ Империи. Свет, падающий с высоких потолков, скользил по его обшивке, делая корпус похожим на гигантский кусок небесного металла.

Несколько инженеров заметили прибывшего маршала и поспешили к нему с отчётами. В их голосах звучало уважение, но в движениях – привычная уверенность людей, знающих своё дело.

– Все системы проходят чистку и проверку, – отрапортовал один из старших механиков. – Разгонные турбины полностью перезапущены. К утру дирижабль будет готов к полёту.

Саэнфилд кивнул.

Но мысли его были далеко.

В голове всё ещё звучал голос Морта, напряжённый и тревожный. Глаза Алии, полные паники. Фиолетовая вспышка, что будто оставила послевкусие в пространстве.

И – слова Императора.

Отправиться к принцессе.

Стать наставником.

Нести дипломатическую тень Империи.

Как переплетаются эти две линии?

Вопросы поднимались один за другим, тихие, настойчивые, как шаги в пустом коридоре.

Саэнфилд медленно обошёл дирижабль, проводя взглядом линии корпуса. Металл двери, ведущей в грузовой отсек, мягко отражал его силуэт – и в этом отражении он увидел человека, который стоит между двумя огнями: долгом перед Империей и долгом перед пониманием того, что происходит в глубинах времени.

Галахад подошёл ближе.

– Ваше высочество... Вы выглядите так, будто небо давит на плечи сильнее обычного.

Саэнфилд не ответил сразу. Он коснулся ладонью холодной поверхности дирижабля – эта твёрдость помогала ему сохранять внутреннее равновесие.

– Иногда, Галахад, – произнёс он тихо, – дни, которые кажутся обычными, оказываются началом больших перемен.

Галахад опустил взгляд, но в его жестах читалось понимание.

– Аномалии? – спросил он почти шёпотом.

– И не только, – сказал Саэнфилд. – Император поручил то, что может изменить положение Империи на многие годы вперёд. Но если на полигоне всё действительно идёт не так, как кажется... наша миссия в Гандерудене может оказаться не дипломатией, а бегом наперегонки с тем, что мы разбудили.

В воздухе ангара повисло тяжёлое, металлическое молчание.

Дирижабль стоял неподвижно – но казалось, внутри него зреет тихий, ещё не проснувшийся гул. Гул, который ответит на себя лишь тогда, когда в небо поднимется первый рассветный ветер.

Саэнфилд вдохнул глубже – запах металла помогал мыслить яснее.

Завтра он отправится к принцессе.

Сегодня – ещё одна ночь, чтобы собрать мысли.

Но в глубине души он уже знал:

мир не подождёт, пока он будет готов.

Саэнфилд стоял у основания дирижабля ещё минуту – ту редкую минуту, когда человек пытается нащупать между пальцами нить спокойствия, хотя внутри уже давно бушует беспокойный ветер. Металл корпуса тихо отзывался холодом, но даже он не мог остудить то напряжение, которое нарастало после доклада Морта.

И именно в эту секунду – как будто Вселенная следила за каждым его движением – коммуникатор в кармане снова завибрировал.

Короткий сигнал, сухой, резкий.

Такой, который поднимает по спине холод быстрее ветра.

Саэнфилд мгновенно ответил.

– Слушаю.

Голос Морта на этот раз звучал иначе. Не просто взволнованно – надломленно, как у человека, наблюдающего за тем, что не должен был увидеть ни один учёный.

– Ваше высочество... ситуация ухудшилась.

Саэнфилд напрягся, будто холодный нож коснулся позвоночника.

– Насколько?

– Мы... мы потеряли две машины. Не взрыв, не сбой, не ошибка оператора. Они просто... исчезли. На долю секунды приборы зафиксировали всплеск хроно-давления, после чего техника пропала с радаров. А когда сигнал вернулся – машины оказались на расстоянии почти в пятьсот метров от прежнего положения. В том виде... – он сглотнул, – будто их поверхность подверглась кратковременному сжатию. Материал повёл себя так, как если бы время вокруг него дрогнуло.

Тишина, которая последовала, была обжигающе холодной.

– А люди? – спрашивает Саэнфилд.

– Никого внутри не было... – быстрый вдох. – Но рядом находилась группа техников. Один из них... утверждает, что видел, как пространство над машиной буквально «складывается». Как будто его кто-то пытается загнуть, как лист бумаги.

Галахад, стоящий рядом, застыл, чувствуя, что разговор становится опаснее любой военной сводки.

Морт продолжил:

– И это не всё. Мы зафиксировали повторные вспышки. В разных точках. Они становятся частыми – слишком частыми. А энергия, которую мы ловим, нестабильна. Она... вибрирует. Будто пытается настроиться на что-то.

– На что? – тихо спросил Саэнфилд.

Морт не сразу ответил.

– Мы не знаем, ваше высочество... Но по поведению поля это похоже на попытку резонанса. Как будто что-то... зовёт. Или ищет отклик.

Слова прозвучали почти шёпотом.

И всё же их хватило, чтобы у Саэнфилда в груди возник тяжёлый комок – предчувствие, знакомое ему ещё со времён фронтов. Такое возникает только тогда, когда мир собирается изменить свои законы.

– Немедленно стабилизируйте периметр, – сказал он твёрдо. – Закройте доступ ко всем активаторам. Увеличьте дистанцию безопасности. И держите пультовую в круглосуточном режиме. Я хочу видеть полный отчёт в течение часа.

– Да, ваше высочество. Мы... мы сделаем всё возможное.

Связь оборвалась.

Саэнфилд медленно убрал коммуникатор, но рука его чуть дрогнула.

В груди – тяжесть.

В воздухе – тень.

Галахад осторожно нарушил молчание:

– Это связано с пуском...?

Саэнфилд кивнул – медленно, словно слово «да» было осколком, который тяжело сдвинуть с места.

– Мы разбудили то, что не успели понять, – сказал он тихо. – И теперь оно отвечает.

Ветер в ангаре прошёлся между конструкциями дирижабля, заставив листы металла отозваться тихим, почти тревожным звоном – будто под потолком кто-то коснулся огромной струны.

Маршал посмотрел на гигантский корпус воздушного корабля, на людей, на далёкий свет вечернего города – и понял: ночь принесёт не просто мысли.

Она принесёт первый шаг в сторону грядущей бури.

На другом конце мира, далеко от столичных огней, степей и величественных верфей, ночь ложилась на земли графства Растли густым бархатом. Ветер нес по пустоши запах сухой травы и пепла – здесь давно не было спокойных времён. Старые дороги заросли, башни пограничных замков стояли полуразрушенными, словно гиганты, пережившие войну, о которой никто не хотел вспоминать.

Среди этих мрачных руин возвышался особый холм – место, которое избегали даже птицы. Считалось, что земля там «поёт» по ночам. Что ветер проходит сквозь неё не так, как в других местах. Что что-то древнее лежит под её корнями.

И именно туда, под лунным светом, поднималась Айренс.

Её шаги были неспешными, будто каждая трещина на высохшей земле – знакомый знак на старой карте. Она была одета в тёмный плащ, который почти сливался с ночью; оттуда, где падал свет, виднелись только тонкие серебристые нити и острые глаза – внимательные, холодные, как лезвие.

За ней следовали люди.

Немногочисленные, но преданные.

Те, кто умел слушать тишину времени.

Когда они поднялись на вершину холма, воздух вокруг будто изменился – загустел, стал плотнее. На мгновение даже звуки ночи смолкли. Айренс остановилась, подняла лицо к небу, и луна отразилась в её глазах блёклым серебром.

– Сегодня, – прошептала она, – мир дрогнул.

Её голос был тихим, но на ветру он звучал, словно древний шёпот.

Один из её людей подошёл ближе:

– Леди Айренс... Вы уверены, что это связано с тем, о чём вы говорили? С тем, что вы... предвидели?

Айренс повернулась к нему медленно, и лунный свет очертил её лицо, придав ему почти нереальную чёткость.

– Да, – сказала она. – Час настал.

Она протянула руку – и воздух рядом дрогнул. Так дрожит поверхность воды, когда её касаются пальцы. Тонкие серебристые нити энергии вспыхнули в её ладони.

– Они открыли окно в ткань времени, – продолжила Айренс. – И это окно ответило им. То, что они разбудили на полигоне... – она улыбнулась, почти с нежностью, – лишь первая нота.

Среди людей прошёл тревожный шёпот.

– Что же будет дальше? – спросил кто-то.

Айренс шагнула к центру холма. Земля под её ногами светилась бледно-синим светом – слабым, но пульсирующим, как дыхание спящего существа.

– Дальше, – произнесла она, – время начнёт просыпаться. Оно всегда живое. Всегда слушает. И если его коснуться грубо... оно отвечает.

Она подняла руку – и земля дрогнула.

Не сильно, но заметно.

Песок поднялся спиралью.

Из-под слоя пыли показались очертания древнего доспеха – тяжёлого, чёрного, словно выкованного не кузнецом, а самой ночной тишиной.

Доспех медленно поднялся, сопровождаемый звуком, похожим на хруст льда, ломкого, но властного.

Силуэт оживал.

Люди отступили.

У кого-то вырвался испуганный вздох.

Айренс не отступила.

Она смотрела на доспехи – так, будто встречала старого друга.

– Время вернуть то, что принадлежит нам, – сказала она, и её голос стал твёрдым, как металл. – Начнётся Игра. И каждый сделает свой ход.

Доспех сделал первый шаг.

Земля под ним затрещала.

Айренс подняла глаза к луне – и её взгляд стал холодным, как ночь.

– Саэнфилд... – прошептала она. – Ты почувствовал это, верно? Ты первый услышал дрожь мира. Но ты опоздаешь. Ты обязан опоздать.

Над холмом поднялся ветер.

Он выл, как древний рог, призывающий к битве.

И в этот миг стало ясно:

то, что началось на полигоне, – не ошибка.

Это был сигнал.

И кто-то, далеко от столицы, ждал его слишком долго.

Глава 3: «Последние приготовления»

Под сдержанным светом утра, когда воздух ещё не успел рассеять остатки ночной прохлады, Саэнфилд выслушал доклад Тарла и, едва заметно кивнув, отдал ему последние распоряжения, от которых зависела вся предстоящая операция. Он говорил спокойно, но в его голосе ощущалось то тихое напряжение, что появляется у человека, стоящего на пороге большого пути, и потому каждое слово ложилось точно и уверенно, словно уже заранее измеренное. Маршал велел подготовить место для двух дополнительных «кошмаров», которые привезут лишь завтра, но которые должны быть установлены строго у главного люка – так, будто их позиция могла решить исход будущих событий. Кроме того, он напомнил, что корабль обязан быть на площадке уже к утру, хотя вылет намечен только на послезавтра, ведь время, подобно живому существу, умеет менять замыслы людей в самый неподходящий момент.

Тарл, записывая приказ, выглядел так, словно понимает, насколько каждая деталь имеет вес, и потому не позволял себе ни единого лишнего движения, чтобы ничего не упустить. В его вопросах слышалось уважение, смешанное с лёгкой тревогой перед масштабом предстоящей подготовки, ведь дирижабль, которому предстояло подняться в небо, был не просто машиной, а символом куда более глубоких перемен. Саэнфилд, отвечая ему, сохранял ту же невозмутимость, что и всегда, хотя в глубине его взгляда едва заметно мерцало предчувствие грядущих испытаний, будто он видел дальше, чем позволяла логика текущего дня. И потому каждое его новое распоряжение звучало так, словно оно не просто уточняло детали, а выстраивало мост между сегодняшним утром и теми событиями, что только готовились раскрыться в будущем.

Когда разговор подошёл к концу, в воздухе повисло ощущение того, что подготовка вступает в последнюю фазу, и отныне всё будет двигаться быстрее, чем прежде. Саэнфилд благодарно отметил работу Тарла и, не повышая голоса, дал понять, что именно от него зависит безукоризненность каждого шага, поскольку маленькие недочёты часто становятся причиной больших бед. Он уже мысленно шагал дальше – к ангару, к экипажу, к тяжёлому корпусу «Паллады», которая вскоре должна будет подняться в небо и стать ареной совершенно иных событий. Но пока он оставался здесь, на земле, среди людей, что готовили путь для будущего, он должен был завершить каждую мелочь, чтобы это будущее пришло так, как он задумал, а не так, как его диктует хаос обстоятельств.

Когда помощница Тарла приложила пропуск к сканеру, створки огромного ангара начали расходиться с тяжёлым металлическим лязгом, и этот звук, протяжный и холодный, словно напоминал о том, что каждая стальная конструкция хранит в себе собственную память о том, что ей ещё предстоит пережить. Огромные двери дрогнули, поползли по рельсам, и в этот момент казалось, что само помещение, спящее за ними, пробуждается от долгой дремоты, готовясь раскрыть своё нутро перед Маршалом. Когда ангар полностью открылся, перед Саэнфилдом предстала живая картина упорядоченного хаоса: грузчики заканчивали погрузку тяжёлых контейнеров и машин, инженеры склонились над панелями и механизмами, доводя двигатели и бортовые системы до идеала, а экипаж проверял оборудование, словно заранее чувствуя, что впереди ждёт не просто путь, а событие куда более глубокое. Солдаты приводили орудия и пусковые установки в боевую готовность, и их сосредоточенность говорила о том, что каждый из них понимает истинный вес грядущего взлёта.

Обстановка в ангаре была насыщена движением, однако в этом движении не чувствовалось суеты – напротив, всё происходило так, словно каждая рука и каждый механизм двигались по одному заранее выстроенному ритму, будто не люди управляли процессом, а сама судьба направляла их к единому мгновению, к точке, с которой начнётся новая часть пути. В воздухе висел запах машинного масла, энергии и напряжения, и этот запах сочетался с металлическим эхом шагов так естественно, будто здание дышало всем происходящим. Звуки инструментов,

короткие приказы, глухие удары по корпусам погружаемых контейнеров – всё складывалось в один непрерывный поток, похожий на уверенное биение сердца, которое ещё не знает, что скоро ему придётся ускориться. И хотя каждый человек в ангаре занимался своим делом, ощущение того, что они работают не просто ради вылета, а ради мгновения, когда будущее резко изменит направление, было почти осязаемым.

Когда Саэнфилд вошёл внутрь, его появление не сразу нарушило этот слаженный порядок, но будто отдалённая волна предчувствия прошла по помещению, заставив кого-то взглянуть поверх плеча, а кого-то выпрямиться чуть быстрее. Казалось, что сам ангар отреагировал на его шаги, тихо откликнувшись на присутствие человека, который держал в руках нити дальнейшего пути. Даже прежде, чем прозвучал звонок, возвестивший о прибытии Маршала, люди чувствовали – он здесь, он наблюдает, и его взгляд фиксирует всё, что важно для отправления и для того невидимого горизонта, к которому направлена «Паллада». И в эту минуту весь труд, все собранные детали и каждая проверенная гайка казались частицей огромного механизма судьбы, который уже начал поворачиваться, предвещая путь, отрыв от земли и вступление в пространство, где впереди будет ждать не только небо, но и неизвестность.

Через пару минут после того как Саэнфилд вошёл в ангар, над многоголосым шумом работы раздался протяжный звонок, и он, будто невидимая черта, мгновенно оборвал кипящее движение внутри огромного пространства. Работники замерли, словно по единому сигналу, и начали собираться в строй, придавая беспокойному дыханию ангара строгую упорядоченность, как если бы железные стены сами выпрямлялись вместе с ними. В этой внезапно наступившей тишине было ощущение уважения и сосредоточенности, ведь каждый понимал, что перед ними стоит человек, чьи решения определяют их путь и чьё слово может изменить не только сегодняшний день, но и всё, что последует за взлётом. Когда строй был окончательно выровнен, Саэнфилд вышел вперёд, и приветствие, прозвучавшее в его честь, отразилось от сводов ангара эхом, которое будто бы поднималось к самому потолку, а затем рассыпалось мягким гулом, похожим на далёкое предвестие грядущего.

Маршал остановился перед людьми и, оглядев их спокойным и уверенным взглядом, произнёс слова благодарности – не громкие, но крепкие, такие, что они звучали как признание тех усилий, которые были вложены в подготовку «Паллады». Он сообщил, что уже распорядился о вознаграждении, и в этот миг лица работников, хоть и сохраняли дисциплину, всё же едва заметно просветлели, словно сама его оценка придавала их труду неформальную, а истинную значимость. Этот момент, наполненный уважением и взаимным пониманием, казался не просто формальностью, а маленьким островком единства перед большим взлётом, который неизбежно уведёт их в пространство, где дисциплина и мужество будут стоять куда дороже слов. Благодарность Маршала звучала не как дань традиции, но как уверенность в людях, которые будут рядом в ту минуту, когда корабль поднимется над землёй.

Когда речь закончилась, строй распался так же аккуратно, как был выстроен, и люди разошлись по своим постам, возвращаясь к работе, от которой зависела готовность гигантского судна. Ангар вновь наполнился движением и звуками, но теперь шум казался более уверенным, словно присутствие Маршала придало всем невидимую опору, а будущее – чуть более чёткие очертания. Саэнфилд же, стоя на месте ещё несколько секунд, наблюдал за тем, как оживает огромный механизм труда, будто хотел запомнить этот момент перед тем, как приступить к осмотру дирижабля. Внутри него уже начинала медленно подниматься та собранная решимость, которая всегда приходит перед серьёзным шагом, и потому он двинулся дальше – туда, где «Паллада» ждала его взгляда, словно стальной гигант, готовящийся раскрыть свои секреты и стать частью судьбы, к которой они все так стремительно приближались.

Саэнфилд двинулся вдоль ангара медленным, выверенным шагом, и вскоре перед ним полностью раскрылось огромное тело «Паллады», чьи очертания напоминали стального гиганта, задумчиво замершего перед пробуждением. Дирижабль, вытянувшийся более чем

на километр, словно являл собой целый мир, созданный человеческими руками, и этот мир казался готовым к тому, чтобы подняться над землёй и шагнуть в пространство, где будущее дрожит подобно тончайшей паутине. Гондола, раскинувшаяся почти на треть длины корабля, выделялась своей мощной конструкцией и множеством уровней, где располагались жилые отсеки, внутренние ангары и командный центр – всё это создавало впечатление подвижной крепости, в которой каждый отсек был дыханием огромного живого организма. Над ней, словно корона на голове титана, покоился аэростат, на бортах которого золотым сиянием переливался герб Империи, и этот знак напоминал, что кораблю предстоит не только путь, но и служение силе, простирающейся гораздо дальше, чем его собственная стальная тень.

Саэнфилд медленно обходил корпус, отмечая взглядом всё – от защитных антенн на носу до широкого купола, на котором сияло название «Паллада», словно имя, способное пережить множество эпох. В задней части корабля гудели системы двигателей, скрытые под толстым слоем брони, и хотя эти машины ещё не были запущены на полную мощность, в них ощущалась та глубокая энергия, которая рано или поздно прорвётся наружу и поднимет весь колосс в небо. Вдоль обшивки тянулись люки, одни предназначенные для инженерных нужд, другие – для вентиляции, третьи же скрывали пусковые шахты и оружейные ячейки, готовые распахнуться при первой угрозе; всё это напоминало о том, что «Паллада» несёт не только научную мысль и мастерство, но и силу, которой не всякий мир способен противостоять. Маршал, наблюдая за этими деталями, ощущал, как в его груди поднимается спокойная уверенность: корабль готов, каждый элемент выверен, и теперь лишь время отделяет их от момента, когда эта летающая крепость раскроет своё истинное предназначение.

Стоя вблизи огромного корпуса, он чувствовал не только вес ответственности, но и странную, почти поэтическую связь с этим судном, словно их пути были связаны с самого начала, и «Паллада» появилась на свет не просто по приказу, а как ответ на какое-то зовущие издалека обстоятельства. Каждый шаг вокруг корабля наполнял его предчувствием – не тревожным, но величавым, как будто за металлом скрывалось начало той истории, чьи строки ещё не написаны, но уже формируются в тени будущих событий. И потому, завершив осмотр, он не просто оценил работу инженеров, но и признал – дирижабль готов стать частью того маршрута, который проведёт их всех через испытания, о которых пока знает только само время.

Когда осмотр подошёл к концу, Саэнфилд поставил подпись под документами о принятии дирижабля в штат, и этот жест, простой внешне, казался завершающим штрихом большого труда, в котором участвовали сотни людей. Бумаги тихо шелестнули под его рукой, словно признавая, что теперь «Паллада» больше не просто конструкция из металла и заклёпок, а действующая сила, готовая отправиться туда, где ей предстоит сыграть свою роль. Он сделал шаг в сторону, и, уже выходя из ангара, напомнил Тарлу о дирижаблях серии «уничтожитель», подчеркнув, что остальные корабли должны быть завершены и переданы войскам не позднее чем через полтора месяца, ведь задержки в такие времена могут стоить слишком дорого. В его голосе не было ни угрозы, ни спешки – только твёрдое понимание того, что будущее не ждёт, и потому каждая работа должна двигаться вперёд с той же точностью, с какой движутся стрелки часов.

Тарл внимательно выслушал распоряжение и, хоть внешне не дрогнул, всё же на миг напрягся, понимая, какой объём работы скрывается за этим спокойным приказом; однако он кивнул, принимая ответственность, ведь знал, что именно от него зависит соблюдение сроков и качество кораблей, которые станут частью грядущих операций. Саэнфилд же не стал задерживаться, потому что всё, что было нужно сказать, уже прозвучало, и теперь дело переходило в руки исполнителей, а его собственный путь вёл дальше – туда, где предстояло принимать решения и отвечать за те силы, которые он только что поставил на крыло. Когда он шагнул за порог ангара, холодный воздух коснулся его лица, и в этот момент Маршал ясно ощутил, что очередная глава подготовки закрыта, а впереди, как и всегда, начинается новая, куда более

важная. И хотя он оставлял позади огромный труд, выполненный людьми, которым доверял, впереди его ждали решения, созданные уже не чертежами и механизмами, а теми обстоятельствами, что раскрываются лишь в пути и исключительно перед теми, кто готов идти до конца.

Когда Саэнфилд уже ехал домой, погружённый в собственные мысли, будто рассматривая будущее через тонкую плёнку беспокойства, тишину салона нарушил внезапный телефонный звонок, который прозвучал так резко, словно само время потребовало его внимания. Он ответил коротко и уверенно, и голос из исследовательского института военной промышленности сообщил, что первые пять хронобомб готовы к завтрашнему вечеру, подтверждая тем самым, что технологический прогресс Империи вновь делает шаг вперёд – шаг, последствия которого ещё только предстоит оценить. Учёные спрашивали, направлять ли заряды сразу на «Палладу», и в этом вопросе чувствовалось не просто служебное уточнение, а скрытая осторожность, ведь даже те, кто работал с новыми разработками, понимали их нестабильную природу. Саэнфилд же ответил спокойно и без колебаний, хотя его голос звучал так, будто сквозь слова проходила невидимая тень предчувствия: бомбы следует отправить на корабль, но обязательно отдельно от хроноэлементов, которые, соприкасаясь в неподходящих условиях, могут развернуть последствия далеко за пределами человеческого контроля. Разговор был недолгим, однако после завершения звонка в салоне вновь установилась тишина, но теперь она казалась иной – плотной, наполненной скрытым напряжением, словно само пространство автомобиля размышляло над услышанным. Саэнфилд повесил трубку, но его взгляд задержался на окне, отражая не городские огни, а собственные мысли, которые стали чуть тяжелее, чем мгновение назад. Он прекрасно понимал, что новые разработки, какими бы многообещающими они ни были, несут в себе риск, ведь любое оружие, вмешивающееся во время, неизбежно касается самой ткани мира и может оставить в ней шрам. Однако он также знал, что мир всё чаще требует нестандартных решений, и потому выбор между осторожностью и силой всё реже давался просто. Некоторое время Маршал молчал, позволяя телефону спокойно лежать на сиденье, будто тот был обычным предметом, а не вестником перемен, и только потом, словно желая упорядочить собственные мысли, он достал блокнот и сделал пометку. Его почерк был ровным, но строки получились более тяжёлыми, чем обычно – возможно, из-за той тревоги, что всё чаще давала о себе знать, или из-за того, что грядущие события начинали складываться в цельную форму, которую он пока не хотел признавать. И всё же, несмотря на сомнения и напряжение, он оставался спокойным: путь был выбран, решения приняты, а будущее, каким бы хрупким оно ни казалось, должно было открыться ему таким, каким он сумеет его выстроить.

После завершённого звонка тишина автомобиля вновь укутала Саэнфилда, однако теперь она стала тяжелее, будто наполненная невидимыми предвестиями, которые ещё только формируются за горизонтом событий. Некоторое время он смотрел в окно, наблюдая, как огни города плавно скользят по стеклу, и в этих огнях отражались не улицы Токио, а собственные мысли – настойчивые, тревожные, полные беспокойства перед тем, что пока скрывалось за завесой догадок. И тогда, словно желая придать свои размышления более чёткой форме, он достал блокнот и медленно, с той аккуратностью, которая была ему присуща во всём, начал записывать мысли, требующие фиксации. Каждое слово ложилось тяжело, будто он переносил на бумагу не просто факты, но и несказанные опасения, хранившиеся глубоко внутри. В пометке он отметил дату и место, после чего коротко описал тревогу, которая не покидала его с момента завершения последнего эксперимента, ведь хотя процедура прошла успешно, появившиеся аномалии заставляли его задуматься о возможных последствиях. Он писал о том, что, если догадки подтвердятся, придётся использовать куда более радикальные меры, чем планировалось, и это решение, пусть ещё не высказанное вслух, уже тяжело лежало на его сознании, подобно камню, который вдавливается в землю под собственным весом. Затем он коснулся политической обстановки на западе Империи, где множатся террористы и оппозиционеры, ибо пересыщенные войнами провинции давно искали повод, чтобы взорваться изнутри.

Саэнфилд системно перечислял, какие силы будет нужно направить в случае боевых действий, и его строки звучали так, словно он заранее расставлял фигуры на шахматной доске, где каждая пешка могла стать первой жертвой грядущей партии. Он также отметил состояние различных прототипов – от «Дамокла 2.0» до серии «Баттерфлай», и в этих строках чувствовалось, что он видит в разработках не просто технику, а ключи к будущему, которые могут открыть либо дверь к победе, либо глубинную пропасть, скрытую за неверным шагом. И когда запись была завершена, Саэнфилд закрыл блокнот и убрал его обратно, словно запечатал внутри небольшую часть того, что ещё слишком рано было озвучивать. Он выдохнул медленно, осознавая, что каждая написанная строка – не просто мысль, а предвестие грядущих перемен, которые будут разворачиваться независимо от его усталости или желания замедлить время. И хотя тревога не исчезла, в его взгляде вновь появилась спокойная собранность, ведь он понимал: будущее, каким бы беспокойным оно ни было, всегда уступает тому, кто готов встретить его без страха и с ясным разумом.

Погружённый в мысли, Саэнфилд почти не заметил, как машина свернула на центральные кварталы Токио, и лишь мягкое свечение фонарей, отражающееся в стекле, вернуло его внимание к внешнему миру, который жил своей праздничной жизнью, словно не подозревая о тяжести решений, лежащих на его плечах. Город сиял так, будто готовился встретить наступающий фестиваль фейерверков, и лёгкие огни, развешанные вдоль улиц, казались тёплыми искрами будущей радости, что поднимется в небо через несколько дней. Но Маршал, глядя на это мерцающее великолепие, ощущал не приближение праздника, а странное, тихое отстранение, ведь он знал, что из-за скорой командировки не увидит ни вспышек, ни грохота салютов, и потому всё это сияние промелькнёт мимо него, оставив лишь лёгкое ощущение недосказанности. И всё же он смотрел на город с мягким вниманием – словно на место, которое пытается пожелать ему удачи, хотя знает, что его путь ведёт в совсем другую сторону.

Когда машина въехала во двор поместья, пространство вокруг сразу изменилось, и торжественная городская атмосфера уступила место спокойствию, в котором смешивались запах хвои, влажной земли и тихий шелест листвы. Поместье, окружённое садами и аккуратно подстриженными посадками, встречало его не шумом, а размеренной тишиной, в которой каждая постройка – от гаражей до ботанического сада – казалась частью огромного и давно сложившегося мира. На пороге главного здания уже стояли Лаура и Амия, и их синхронное приветствие прозвучало так, будто дом, через их голоса, напомнил ему о том, что здесь его ждут, пусть и ненадолго. В взгляде Лауры мелькнула лёгкая обида, и её укор был тихим, но искренним: он снова задержался, снова вернулся позже, чем обещал, и Маршалу пришлось с мягкой улыбкой признать собственную вину, объяснив, что его задержали дела императора. Амия, более сдержанная и спокойная, молча выслушала его просьбу подготовить комнату к звонку сестрам и связаться с кутюрье, будто разделяя с ним часть забот, что ложатся на плечи перед отъездом. И хотя их разговор был коротким, в нём чувствовалась та домашняя теплота, которая редко касается высокопоставленных людей, но всё же делает их жизнь немного светлее.

После этого Саэнфилд направился внутрь особняка, и шаги его эхом проходили по просторным коридорам, наполненным мягким светом ламп и запахом чистоты, создавая ощущение, что дом, как и город снаружи, желает ему спокойной ночи перед дорогой, которая неизбежно будет долгой и трудной. И в этот момент он впервые за весь день ощутил странное, тихое облегчение – как будто стены поместья временно укрыли его от тревог, что сопровождают его каждый раз, когда судьба начинает менять направление ветра.

Поднимаясь на второй этаж, Саэнфилд ощущал, как тишина особняка постепенно обволакивает его, словно стараясь смягчить напряжение прошедшего дня, и потому, открыв дверь в свой кабинет, он будто оказался в пространстве, где время движется медленнее и позволяет человеку быть самим собой. Первым делом он снял пальто и перчатки, и эти простые движения показались удивительно освобождающими, словно с него спадал невидимый груз, накоплен-

ный за долгие часы забот и решений. Он подошёл к большому зеркалу, в котором отражались его короткие огненно-красные волосы, аккуратно зачёсанные назад, однако стоило лишь снять магические заколки, подаренные ему сестрами, как пряди мгновенно распустились, упали на плечи и ожили, будто сами стремясь вернуть ему ту часть свободы, которой так не хватает в его службе. В мягком свете лампы волосы казались длиннее, чем он помнил, и это неожиданное ощущение времени, которое идёт даже тогда, когда он слишком занят, чтобы замечать перемены, вызвало лёгкую, почти незаметную улыбку. Сняв остальную одежду, Саэнфилд открыл и другую сторону своего существа – ту, что редко видят другие и которая напоминает ему о том, кем он является по происхождению и по судьбе. Его тело, подтянутое и сильное, хранило следы прошлого: глубокие шрамы, оставшиеся после сражений, и редкие участки хитиновой чешуи, унаследованные им от двух великих родов арахнидов – огненных адских и стальных райских пауков, чьи пути редко пересекались, но соединились в нём самом. Однако, вопреки ожиданиям их родов, ни он, ни его сёстры не получили истинную полноту наследственных форм, оставшись людьми, лишь частично напоминающими те древние расы. И всё же Саэнфилд привык к этому двойственному облику – как привык и к тому, что в нём соседствуют живое и созданное, естественное и механическое. Когда он развеял наложенные заклинания, его конечности начали меняться, и привычные очертания рук и ног исчезли, открывая бионические протезы, занимавшие место обеих рук и правой ноги. Металл мягко поблёскивал в полумраке комнаты, и этот холодный блеск всегда напоминал ему о цене, которую он однажды заплатил, хотя сам он давно перестал воспринимать протезы как утрату – скорее, как продолжение себя, выковавшее в нём силу, недоступную прежнему телу. Он дотронулся пальцами левой руки до гладкой металлической поверхности правой и на мгновение задержал движение, словно проверяя, всё ли в порядке, но в этом жесте было не столько сомнение, сколько привычная внимательность человека, для которого каждое звено собственного тела – живое или механическое – имеет значение. И когда все манипуляции были завершены, он выдохнул чуть медленнее обычного, ощущая, как кабинет вновь наполняется его собственным спокойствием, а мир за окнами на короткое время перестаёт быть беспокойным.

Закончив приводить себя в порядок, Саэнфилд направился в зал на первом этаже, где уже стоял накрытый ужин, однако помещение встретило его тишиной, которая казалась почти уютной после насыщенного событиями дня. Он сел за стол, и, хотя еда выглядела горячей и свежей, его мысли всё ещё слегка блуждали среди недавних приказов, предстоящих перелётов и тревожных предчувствий, которые время от времени прорывались сквозь усталость. Чтобы отвлечься, он открыл книгу – тот роман, что подарила ему Розалия, – и страницы мягко перелистывались под его пальцами, будто сами стремились увести его в другую реальность, где всё проще, яснее и спокойнее. Тем не менее он читал недолго, ведь из-за постоянной занятости у него не было возможности долго наслаждаться вечерними ритуалами, и потому спустя несколько минут он уже откладывал книгу в сторону, завершая ужин быстрее, чем бы того хотелось. После трапезы он направился в комнату, где Амия, как всегда аккуратная и внимательная к деталям, заранее подготовила всё для звонка. Саэнфилд сел в кресло, позволив себе на мгновение расслабиться, и нажал кнопку связи – соединение установилось почти сразу, и экран ожил приветливым образом Розалии. Её голос прозвучал тепло и живо, словно она находилась совсем рядом, и этот короткий разговор наполнил пространство лёгкостью, которой сегодня ему так не хватало. Розалия, как обычно, расспрашивала о его дне, шутила и слегка ворчала, обещая не засиживаться ночью, хотя он прекрасно понимал, что она всё равно будет читать до самой темноты, несмотря на собственные слова и его советы. Их беседа была короткой, но такой тёплой, что после её завершения комната показалась на мгновение светлее, будто экран оставил в воздухе едва заметное тепло. Когда звонок подошёл к концу, Саэнфилд вышел из комнаты и направился в кабинет, где полумрак и привычная обстановка возвращали его к делам, требующим внимания. Дом погрузился в ночное спокойствие: прислуга уже спала, и

даже коридоры будто стали шире от тишины, не прерываемой шагами или голосами. Маршал открыл шкафы и начал складывать вещи в дорожную сумку, не торопясь и тщательно выбирая то, что может пригодиться в пути, а что лучше оставить. Взгляд его на миг задержался на свежих газетах, оставленных на столе – он быстро смахнул их на пол и затем выбросил, словно желая очистить комнату от лишнего шума и новостей, которые редко приносили что-то хорошее. После этого он открыл оружейную комнату, прилегающую к спальне, и достал свои пистолеты и винтовку, аккуратно обслуживая каждое оружие так, как будто между ним и металлом существовала особая связь, сформированная годами непрерывной службы. Когда приготовления подошли к концу, Саэнфилд почувствовал усталость, подступившую внезапно, словно она терпеливо ждала момента, чтобы напомнить о себе. Он оставил оружие рядом с сумками, закрыл оружейный отсек, прошёл в спальню и позволил себе наконец опуститься на кровать. Тело мгновенно отозвалось тягучим облегчением, а мысли начали растворяться в темноте, и потому, едва касаясь подушки, он провалился в глубокий сон – быстрый, безмолвный и тяжёлый, словно сама ночь решила подарить ему хотя бы короткое забытие перед тем, как события вновь начнут стремительно разворачиваться.

Проснувшись ранним утром, когда свет ещё только начинал осторожно касаться краёв оконных рам, Саэнфилд первым делом привёл себя в порядок, выполняя привычные утренние действия с той спокойной сосредоточенностью, которая помогает человеку войти в новый день, не теряя внутреннего равновесия.

Спустившись в зал, он обнаружил, что прислуга уже занята своими делами, но при этом в доме царила такая мягкая тишина, что даже лёгкий звон посуды казался частью утреннего спокойствия. Саэнфилд сел за стол и начал завтракать, чувствуя, как тепло свежего чая медленно восстанавливает силы после насыщенного вчерашнего дня, и в этот момент он позволил себе краткое ощущение домашнего покоя, столь редкое в его должности. Однако время не давало расслабиться – мысли о предстоящей поездке и о тех делах, что ждут на горизонте, постепенно возвращались, мягко, но настойчиво.

Когда он допивал чай, в зал стремительно вошла Кармин – юная кутюрье, чья энергия всегда напоминала весенний ветер, лёгкий, но уверенный. Она поприветствовала всех своим задорным голосом, и её появление внесло в комнату живость, словно утром вдруг расцвёл цветок ярче остальных. Саэнфилд, всё ещё немного сонный, ответил ей сдержанным приветствием, после чего передал листок с пожеланиями относительно нового костюма, подчёркивая, что время на работу у неё есть – целых полгода. Девушка, внимательно прочитав записку, кивнула с тем видом, в котором смешивались профессиональная уверенность и юношеское желание проявить себя, и почти сразу же направилась к выходу, словно уже мысленно перебирая ткани и эскизы, что скоро воплотятся в новое одеяние.

После завтрака Саэнфилд решил ненадолго скрыться от мыслей о службе и отправился в ботанический сад, раскинувшийся за особняком и служивший для него своеобразным убежищем от бесконечных обязанностей. Этот сад, полный редких растений и цветов, был не просто украшением дома – он являлся маленьким миром, живущим по собственным ритмам, и каждый лист здесь напоминал о том, что даже среди военной дисциплины и государственной тяжести остаётся место тишине. Саэнфилд медленно проходил вдоль дорожек, погружаясь в мягкий аромат трав и влажной земли, внимательно рассматривая каждое растение, словно беседуя с ним без слов. Он собирал букет – не ради церемонии, не ради украшения, а потому что в этих простых действиях находил ту внутреннюю гармонию, которая помогает собраться перед долгим путём.

Закончив прогулку, он вернулся в особняк, чтобы взять книгу и чайный поднос перед тем, как отправиться к пруду, где вода всегда отражала небо так чисто, будто держала в себе кусочек грядущего утра.

И в тот момент, когда он ступал по знакомым коридорам назад, было ясно, что эти несколько минут спокойствия – маленький, но важный островок покоя в череде событий, которые вскоре вновь потребуют от него ясности, силы и неумолимой решимости.

Когда Саэнфилд вошёл на капитанский мостик, его встретил мягкий полумрак приборов, светящихся ровным, уверенным сиянием, и эта атмосфера сразу напоминала о том, что здесь, в сердце корабля, зарождаются решения, от которых зависит весь грядущий путь. Огромные панорамные стёкла, обрамляющие мостик, открывали перед ним вид на площадку, где утренний свет медленно поднимался над миром, будто сама заря давала молчаливое благословение предстоящему полёту. Капитан и члены экипажа работали с чёткой собранностью: кто-то сверял показатели реакторов, кто-то последовательно вводил данные маршрута, а кто-то проверял силовые модули, чтобы убедиться, что «Паллада» сможет выдержать переход через варп-пространство.

Когда капитан отчитался о полной готовности – о том, что реакторы вышли на рабочую мощность, двигатели приняли запуск, а груз и экипаж заняли свои места – Саэнфилд, не теряя спокойствия, дал краткое, но решительное разрешение на взлёт. Дирижабль начал подниматься, и по корпусу прошла едва уловимая дрожь, словно в этот момент гигантское воздушное судно делало первый вдох перед долгим путешествием. «Паллада» плавно оторвалась от земли, набирая высоту и скорость, и вскоре мир под ними превратился в мерцающую карту, постепенно укрываемую лёгкими слоями облаков. Когда корабль достиг нужной высоты, штурман уточнил маршрут, упомянув о недавних событиях в Графстве Растли и предложив обойти опасный участок, однако Саэнфилд ответил, что варп-переход защитит их от возможных угроз, ведь они выйдут из искривлённого пространства уже на границе, где риски сведены к минимуму. Его уверенность была спокойной и основанной на расчётах, хотя где-то в глубине души оставалось слабое ощущение настороженности, свойственной человеку, который слишком хорошо знает: даже идеальные планы порой ломаются там, где не ждёшь.

Когда корабль окончательно вошёл в варп-пространство, реальность за бортом сменила очертания, превращаясь в бесконечный поток света и тени, будто сама ткань времени растягивалась вокруг «Паллады», пропуская её сквозь себя. По расчётам переход должен был длиться недолго – всего около двух часов, – однако вскоре что-то неуловимое изменилось: лёгкое дрожание корпуса стало резче, и навигационные приборы начали тревожно мигать, словно предупреждая о нарушении стабильности. Ещё до того как штурман успел полностью сформулировать доклад, стало ясно: корабль вырвало из варпа слишком рано, на целых пятьсот километров раньше обозначенной точки.

Система мгновенно активировала сирену, и тревожный сигнал пронёсся по всему дирижаблю, словно удар, развернувший мир в сторону опасности. Саэнфилд уже собирался отдать приказ экипажу действовать согласно протоколу – выдвинуть силовые поля, занять боевые позиции и приготовиться открыть огонь, – но судьба опередила его. Пронзительный свист, похожий на разорвавшийся воздух, ударил по правому борту, и мгновение спустя «Палладу» потряс мощный взрыв, который дрогнул в каждом отсеке, словно чья-то невидимая рука попыталась обрушить их прямо изнутри. Корпус корабля содрогнулся, приборы вспыхнули красным, и гигантское судно начало накреняться, теряя высоту и контроль, будто небо, которое ещё секунду назад держало их на своих руках, внезапно разжало пальцы. В этот миг Саэнфилд впервые за весь день ощутил, как реальность ломается быстрее, чем успевают родиться слова приказа, и то самое будущее, которого он так долго ожидал, обрушилось на них резким, ослепительным ударом.

Глава 4: «Падение»

Трещина разорвала небо.

В ту самую секунду, когда «Паллада» с величием богини скользила сквозь ткани варпа, мир содрогнулся. Сирена взвыла, как раненый зверь, и воздух в капитанской рубке стал густым, вязким, будто пропитанным страхом.

– Потеря курса! – закричал штурман, вцепившись в консоль так, словно от этого зависела его жизнь.

– Что, чёрт возьми, происходит?! – рявкнул капитан, вскакивая с места. – Тяга реакторов нестабильна! Варп-пространство рвётся!

Резкий толчок пронёсся по корпусу, перебивая ответ. Огромный дирижабль затрясся, как лист на ветру, а затем что-то – невидимое, хищное – выдернуло его из внемирной реальности. Словно брошенный камень, «Паллада» рухнула в небо. На экранах мигали десятки предупреждений: «Гравиошквал», «Потеря импульсного баланса», «Обрыв координатной оси».

Саэнфилд вбежал в командный отсек, застегивая плащ на ходу.

– Доклад. Немедленно!

– Мы... вышли из варпа, Ваше Высочество, – тяжело дыша, проговорил капитан. – На пятьсот километров раньше... И... удар был. Магический... или нет... – он запнулся, – ...мы не знаем.

Маршал медленно подошёл к центральному столу. Экран дрожал, на нём прыгала размытая карта региона. Ни один сигнал Империи не проходил.

– Связь? – спросил он.

– Мёртвая зона. Ни приём, ни передача.

Новый удар сотряс корабль. Потолочные балки затрещали, из вентиляции вырвалось облако пара, заполнив помещение резким запахом озона и чего-то иного – едва уловимого, словно пепел сгоревших часов.

– Срочная стабилизация! Готовиться к ручной посадке! – крикнул Саэнфилд, оборачиваясь. Его голос был спокоен, но в глазах пылал холодный огонь решимости.

На борту царил гул паники, придавленный дисциплиной. «Кошмары» были уже запечатаны в ангарах, экипаж у орудий молча следил за контрольными панелями. Техники пытались вручную сбросить избыточную энергию с реакторов.

С каждой секундой становилось ясно: этот полёт больше не подчиняется логике. Что-то сломалось – не только в корабле, но и в самом воздухе вокруг.

Словно сама реальность треснула под натиском невидимой силы.

И никто на борту ещё не знал: падение – лишь начало.

Корабль стонал.

Гул металла, зажатого между невозможным небом и ускользающей землёй, пронизывал каждую балку, каждый болт, каждый нерв. «Паллада» – гордость Империи, символ мощи и технологического превосходства – теряла высоту, как умирающий зверь, из чьих ран вырывается пар, пульсирует свет и сыплются искры.

– Главные стабилизаторы перегружены! – раздался крик с нижнего мостика. – Вышли из строя третий и пятый приводы!

– Ручное управление! – скомандовал Саэнфилд. – Выравнивайте корпус! Держать курс на чистую площадку – пусть хоть она окажется настоящей!

Он стоял у командного пульта, вцепившись в металлический перила. Лицо его было спокойным, но голос обнажал сталь – непреклонную, хладную.

– Плотность почвы? – бросил он, едва взглянув на дрожащие голограммы.

– Каменистая! Много трещин! – отозвался штурман, – Но за двумя километрами – плато. Мы туда не дотянем...

– Значит, садимся здесь.

И он нажал кнопку аварийной посадки.

Тяжёлый скрежет прошёл по всему кораблю. Огромные якорные тормозные рёбра раскрылись по бортам, тормозя падение. Реакторы сбрасывали давление, выплёвывая в небо облака энергии и сгустки пара. Задняя часть дирижабля загорелась – огонь лизнул левую балку аэростата, но потух, будто задохнулся от самой атмосферы.

– Высота – сто двадцать метров! – выдохнул рулевой. – Девяносто... шестьдесят... двадцать пять...

– Всем приготовиться! – рявкнул капитан. – Удар!

Грохот. Взрыв воздуха. Металл вцепился в землю с яростью гиганта, бросившегося на колени. «Паллада» врезалась в скальное плато всем корпусом, прочертив в нём борозду глубиной в два человеческих роста.

Несколько секунд – тишина.

Потом – стон, скрип, треск. Дирижабль замер, тяжело дыша пробоинами, сквозь которые вырывались языки пара и осколки света.

Саэнфилд первым сорвался с места.

– Проверить герметичность отсеков. Выживание экипажа – приоритет.

– Защитный контур – поднять! Заккрыть внешние люки!

– Контейнер 945 – немедленно под купол!

Солдаты и механики, ещё шатающиеся от удара, бросились исполнять приказы.

У левого борта что-то завозилось: автоматическая башня, сломанная при ударе, медленно поворачивала ствол, будто пытаясь вспомнить, где она и зачем.

– Господин маршал! – позвал техник, выбежавший из ангара с планшетом. – Контейнер с хроноэлементом в норме... но...

Саэнфилд повернулся.

– Что?

– Он... светится. Внутри. Сам по себе. Без активации. И свет пульсирует – в такт с чем-то... не нашим.

Маршал посмотрел в сторону, где теперь зияла трещина, разошедшаяся прямо под корпусом корабля. Сквозь дым и жар вечернего воздуха мир казался искажённым. Звук, словно отдалённый шёпот, прошёл по палубам, и каждый, кто слышал его, почему-то понял одно и то же:

что-то проснулось.

Саэнфилд выдохнул и выпрямился.

– Запретить выход за пределы корпуса. Поднять периметр. Всех, кто жив – собрать и вооружить. Мы не знаем, где мы.

Он взглянул на небо – красное, расколотое, в углах которого дрожали звёзды, будто размытые капли чернил.

– Или... когда.

Первые часы после крушения прошли в напряжённом молчании.

Люди двигались по «Палладе» как по храму после землетрясения – осторожно, с благоговейным страхом. Кто-то приводил в чувство раненых, кто-то искал обломки снаряжения, кто-то просто сидел, глядя в никуда. Металл дирижабля больше не скрипел. Он будто прислушивался. Ждал.

Саэнфилд не ждал.

Он ходил по кораблю шаг за шагом, как волк – по своей раненой территории. Внутри него пульсировала тревога, но он не показывал её. Он был маршалом, и на борту «Паллады» не было места страху. Только разум. Только воля.

И всё же... кое-что нарушило и его равновесие.

Они заметили это случайно.

– Господин маршал, – обратился лейтенант с поста наблюдения. – Вам стоит это увидеть.

На экране – изображение камеры снаружи. Песок вокруг дирижабля шевелился. В прямом смысле: каждая песчинка, каждый клочок земли вздрагивали и... отматывались назад. Секунда – и следы солдат, оставленные у люка, исчезли. Ещё секунда – и вернулись. Затем снова исчезли. Цикл.

– Это запись? – спросил Саэнфилд.

– Нет, сэр. Прямая трансляция.

Он резко вышел из зала, закинул на плечи плащ и взял с собой группу разведки. У выхода на нижний трап их встретил технарь – бледный, с дрожащими руками.

– Господин, один из «кошмаров» ... – он запнулся. – Он только что исчез.

– Как это? – спросил Саэнфилд, не сбавляя шаг.

– Он двигался вперёд, не нарушая инструкций. Сделал два шага – и пропал. Без взрыва, без сигнала, без контакта. Просто... вырван из пространства. И всё.

Саэнфилд нахмурился.

– Координаты?

– Сектор тринадцать, рядом с каменистой дугой у восточного трапа.

– Идём.

Путь занял всего несколько минут. Ветра здесь почти не было – как будто сам воздух боялся пошевелиться. Когда они вышли на плато, всё было... слишком тихо. Ни звуков, ни движения. Даже шороха одежды не было слышно. Только дыхание. Только пульс.

Они подошли ближе. Саэнфилд остановился у невидимой черты.

Здесь заканчивалась реальность.

Перед ним – пространство искажалось, словно его сжимала чья-то гигантская рука. Воздух дрожал. Свет искривлялся. Камни мигали то в одном месте, то в другом. Один из булыжников, казалось, исчезал и возвращался, будто вспоминая, что он существует.

Маршал медленно протянул руку – но не за черту, а к земле у самого искажения. Песок там был мокрым, как после дождя. Хотя дождя не было... уже несколько дней.

– Установить маяки. Отметить границу. Никому не приближаться, – тихо приказал он. – Это не просто разлом. Это – след.

– След чего, господин? – спросил солдат позади.

Саэнфилд посмотрел вдаль. По горизонту медленно, беззвучно двигалась тень. Она не принадлежала ни облаку, ни предмету. Её не видно было невооружённым глазом – только в приборах. Она оставляла после себя тишину. И на секунду... словно бы дёргалась назад.

– След времени, – ответил он наконец. – Или того, что его выедаёт.

Вернувшись на борт, он отдал приказ:

– Закрыть все наружные люки.

– Выставить вахту у хранилища хроноэлемента.

– Перейти в автономный режим.

– Сообщения – только по прямому каналу, зашифрованному.

– Повторяю: никто не покидает корпус без приказа.

Всё шло к одному. Это не просто катастрофа. Это было вмешательство. Чужое, древнее, возможно, даже не человеческое.

Он сел в кресло у командного терминала. Внимание привлекла консоль наблюдения: по коридору кто-то проходил. Однако камеры не фиксировали никого. Саэнфилд переключился на другой ракурс – снова пусто.

Он поднялся.

– Что за шутки?

– Ваше Высочество... – позвал техник с поста безопасности, – я только что проверил: пять минут назад никто туда не входил.

– И никто не выходил?

– Именно.

Саэнфилд надел перчатки и направился в сторону коридора. За его спиной только шёпотом прозвучало:

– Мы не одни.

Саэнфилд стоял в коридоре, где, согласно записям, никто не проходил... но пол был влажным от чьих-то следов. Мелкие капли, как после дождя, будто шаги оставлял не человек, а время. На стене, ближе к углу, едва различимо дрожало отражение – призрачный силуэт, тонкий, неуловимый.

Он достал револьвер, не сводя глаз с искажения.

– Покажи себя, – сказал он. Спокойно. Твёрдо. – Я знаю, ты здесь.

Но тень лишь сжалась, затрепетала... и исчезла, оставив за собой только еле слышный шёпот, словно обрывок мысли:

«...ещё не поздно...»

Саэнфилд медленно опустил оружие.

– Пора принимать решения.

Он вернулся в командный зал. Освещение перешло в режим глубокого жёлтого – как на погружённой под воду станции. У мониторов дежурили офицеры, и все они обернулись при его входе. Он поднялся на верхний уровень, на место капитана. Плащ тяжело лёг на кресло, шаги гулко отозвались под сводами.

– Слушайте внимательно. – Его голос пробил тишину, как меч. – Мы не просто потерпели крушение. Мы провалились сквозь реальность. Сквозь ткани пространства. Возможно – времени. Возможно... ещё глубже.

Он кивнул одному из техников. На проекторе возникла голограмма посадочной зоны. Пульсирующие кольца, похожие на радиационные волны, расходились от корабля, но не наружу – внутрь, к центру. Словно сама земля затягивалась в точку, которую никто не видел.

– Вне внешнего кольца начинаются аномалии: потеря ориентации, исчезновение объектов, петли движения. Хроноэлемент светится, как будто с кем-то или с чем-то синхронизируется. Это значит: наш эксперимент открыл не окно... а дверь.

– Ваше Высочество, – прервал его капитан, – может, нам стоит покинуть корабль и уйти в автономный лагерь за пределами зоны?

Саэнфилд посмотрел на него долго. Покойно. Почти печально.

– И шагнуть туда, где время рвётся, как плоть? Где камень может исчезнуть, а воздух обернуться огнём?.. Нет. Мы не покинем «Палладу». Она – единственное, что ещё настоящее.

Молчание.

– Установить периметр. Любая попытка проникновения – уничтожить. Хроноэлемент изолировать тройным щитом и заморозить физический доступ. Пусть его охраняют по трое, смена каждые два часа. Я хочу видеть только живые лица у поста.

Капитан кивнул.

– Принято.

– И ещё одно. – Саэнфилд медленно прошёлся взглядом по лицам экипажа. – Кто бы ни был внутри аномалий... или вне них... – он говорил спокойно, но от этих слов спина каж-

дого покрылась холодом, – ...это не враг, с которым можно вести обычную войну. Это взлом нашего мира. Отныне мы не просто выживаем. Мы наблюдаем. Мы изучаем. И если возможно – закроем эту трещину, прежде чем она проглотит Империю.

Позже, в своём личном отсеке, Саэнфилд открыл запись и начал диктовать отчёт. Его голос звучал спокойно, но в нём таилась тень.

– «9465 кантор, 19 сентября.

Первый день после катастрофы.

Корабль жив. Люди пока целы.

Однако природа аномалии... ускользает. Кажется, мы упали не просто в пустыню. Мы... выпали из времени.

Сегодня я слышал голос, не похожий ни на один, известный мне.

Он знал меня.

И знал, что я ещё могу “успеть”...»

Он выключил запись. Подошёл к иллюминатору. Там, за бронестеклом, небо сгустилось, как чернила, а вдалеке, в призрачной пульсации... что-то двигалось.

«Скоро всё изменится», – прошептал он, глядя в искажение горизонта.

– И, быть может, я – уже не я.

Ночь над плато была странной.

Не темной – прозрачной, как будто воздух утратил плотность, а звёзды – своё расстояние. Их свет не мерцал, он пульсировал, создавая ощущение, что небосвод дышит вместе с кораблём. Иногда казалось, что среди звёзд проскальзывают другие – бледные, чужие,двигающиеся против хода созвездий.

Саэнфилд сидел на верхнем ярусе обзорной рубки. За спиной – тишина, впереди – панорама мёртвого плато. Лишь один светильник, едва мерцающий в углу, отбрасывал тень его фигуры на металлическую переборку. В одной руке – сигара, в другой – планшет с расчётами хроноаномалий, составленными инженерами.

Но взгляд его был не в формулах.

Он смотрел туда, где мир начинал дрожать.

– Капитан, – тихо произнёс он, не оборачиваясь.

– Слушаю, Ваше Высочество, – офицер отозвался из-за пульта, стараясь не мешать.

– Камеры дальнего сектора. Сектор G-4. Увеличить.

Панель вспыхнула, и проекция вырвалась в воздух: расплывчатое изображение горизонта, мёртвые скалы, искажения – всё, как обычно... и не как обычно.

Саэнфилд привстал.

– Увеличить ещё. До зерна.

Картинка дернулась, потеряла чёткость, но затем стабилизировалась.

Все в рубке замерли.

На горизонте, в самом центре искажения, висело нечто.

Огромное. Тихое. Невозможное.

Это был город. Или его осколок.

Бесконечно высокий шпиль, изгибающийся, как закрученный кинжал. Мосты, висающие в пустоте. Обломки башен, парящие без опоры. Балконы, лестницы, подвесные сады, фрагменты площадей – всё это было заморожено во времени, как будто его вырвали из иного мира и вставили сюда, в небо над плато.

Он был вне масштаба. Ничто в нём не подчинялось законам гравитации, архитектуры или логики. Фрагменты конструкций мелькали, сменяя друг друга, как будто кто-то менял слайды – и никто не мог понять: это один и тот же город... или сразу много.

– Это голограмма? – нарушил тишину кто-то из младших офицеров.

– Нет, – ответил капитан. – Тепловая сигнатура – нестабильная. Там есть... материал. И он... живой.

– Чёрт... – прошептал штурман.

Саэнфилд смотрел на видение, не мигая. Сигара в его руке давно потухла. Он чувствовал – этот момент неслучаен.

Время позвало.

– Мы нашли источник, – медленно проговорил он. – Или он... нашёл нас.

На экране мерцала временная диаграмма. Над ней – координаты.

Саэнфилд молча провёл пальцем по голограмме, замыкая круг.

– Отправьте разведгруппу. Только дронов. Без людей.

– Сохраняйте дистанцию.

– Пусть камеры пишут непрерывно.

– И пусть никто, ни при каких условиях, не приближается к структуре.

Он встал.

– На рассвете мы начнём приближаться. Слишком много совпадений.

– Если это – артефакт...

Он замолчал, всматриваясь в дрожащий силуэт города, висящего в небе, словно напоминание о том, что время имеет архитектуру.

– ...то, возможно, мы смотрим не в прошлое.

– А в наше собственное будущее.

В глубине корабля хроноэлемент засветился ещё ярче. Его свет стал серебристым – холодным, но манящим. Он пульсировал в такт сердцу корабля.

Где-то внизу, в ангарах, один из охранников услышал, как часы за его спиной зашли назад.

В это же время, в бархатной тишине иллюминатора, Саэнфилд видел, как башни на горизонте медленно... повернулись к нему лицом.

Глава 5: «Игроки в Тени»

Ночь в Растли была глухой, как в склепе.

Небо – без звёзд, воздух – неподвижен, чёрный лес – стоял молча, словно вымер. Где-то вдалеке выли ветры – или души, давно забытые этим миром. Среди заболоченной долины, где деревья скрючивались, как старики в предсмертной тоске, возвышались руины старого замка. Камни его были чёрны от времени, башни давно провалились, но одно окно горело тёплым светом.

Внутри – тронный зал, преобразованный в святилище.

По кругу стояли фигуры в капюшонах. Семь человек – каждый в мантии и маске. Кто-то дышал тяжело, кто-то неподвижно глядел в пол. Один из них держал карту – тканевую, с выжженным по краю гербом Империи. На карте – метка: Паллада. Над ней – алый символ, вытянутый, будто стрелка часов.

В центре круга стояла она.

Айренс.

Высокая, тонкая, с белоснежными волосами, распущенными по плечам. Её лицо скрывала маска из чёрного обсидиана с узором в виде часовых стрелок, пересекающих зрачки. Плащ падал до пола, где по кругу были выжжены глифы древнего языка времени. Она держала посох – тонкий, как линия на циферблате, увенчанный куском кварца, в котором пульсировала бледно-голубая искра.

– Говори, – произнесла она, не оборачиваясь.

– Паллада упала, – голос мужчины дрогнул. – Не уничтожена. Но потеряна. Маршал Саэнфилд... жив.

– Жив, – эхом отозвались глифы на полу. Их свечение усилилось.

– Значит, – продолжила Айренс, – наш план сработал. Варп был недостаточно плотен. Он провалился. Всё идёт... по времени.

Один из заговорщиков сделал шаг вперёд.

– Госпожа, если он выживет – он вернётся. Он не тот, кто сдаётся. Даже среди аномалий.

– Я на это надеюсь, – прошептала Айренс, подходя к часам в глубине зала.

Старые, как само графство, часы стояли в нише стены. Их стрелки застыли в положении 11:45.

Она прикоснулась к циферблату.

– Пусть он выживет. Пусть увидит, что ждёт его Империю. Пусть почувствует цену своей верности.

Она повернулась к собранию. Её голос стал ледяным.

– Мы начали «Игру со временем». И в ней победит не тот, кто силён. А тот, кто знает, когда нанести удар.

Все семеро склонили головы.

Айренс подняла посох, и над ней возник полупрозрачный диск – вращающийся, многослойный, похожий на звездную карту, в которой стрелки плясали, как живые. На нём – надпись на древнем языке:

«ΔΕΙΤΕ ΧΡΟΝΟΝ. ΔΕΙΤΕ ΘΥΡΑ.»

(«Смотри на время. Смотри на дверь.»)

Внизу, под замком, глубоко в скалах, древние механизмы начали медленно вращаться.

Первое колено хроносферы пробудилось.

Подземный зал, где ранее звучала магия, теперь погрузился в тяжёлый полумрак. Искры древних ламп горели багровым светом, а на каменных плитах пола трепетали тени от механи-

ческих орнаментов – медленно вращающихся колец хроносферы, пробудившихся под командой Айренс.

Заговорщики – теперь без капюшонов – собрались за длинным, вытянутым столом. Кто-то водил пальцем по шрамам на старой карте, кто-то листал старые грамоты и донесения с границ Империи. Один из них, пожилой маг в золотой наплечной мантии, говорил сдержанно, но с напряжённой уверенностью:

– Регулярные части Империи по-прежнему заняты в восточных секторах. Нью-Таун-Сити перегружен. В отсутствие Саэнфилда, командование перешло к Рейнхарду и Тауриэлю. Это создаёт нестабильность. Их противоречия – наша возможность.

– А Гандеруден? – бросила женщина с серебряным обручем на лбу. Её голос был холоден. – Посольство Империи ещё не эвакуировано. Принцесса Каура жива. Ерия... тоже. Пока дипломатические каналы открыты, Саэнфилд сможет вернуться через них. Его нельзя недооценивать.

– Он уже вне поля игры, – усмехнулся другой заговорщик, – он – в другом времени.

– Нет, – тихо произнесла Айренс, сидя на возвышении у северной стены. – Он в центре доски. Просто фигура ещё не сделала свой ход.

Наступила тишина.

Айренс встала. На ней теперь был иной наряд: доспех из чёрного стекла, сотканный из осколков замершего времени, под ним – плащ цвета сухой крови. Её глаза светились бледно-голубым.

– Мы переходим к следующей фазе.

– Начнём с подрыва доверия к Имперскому Совету. Пора пробудить старые страхи. Слухи о хроно-аномалиях просочатся в центральные города. Покажем народу, что «эксперимент 945» был не прорывом, а безумием.

– Вы хотите посеять панику? – недоверчиво произнёс молодой военный из восточных колоний.

– Нет, – ответила Айренс. – Я хочу, чтобы народ сам отвернулся от Империи.

Она подошла к голограмме, возникшей над столом. На ней – столица, центральные районы, основные заводы по производству хроноэлементов, два имперских телецентра и Академия управления времени. В каждом из этих мест – красные пометки.

– Террористическая активность будет точечной. Без массовых жертв. Но с демонстративной точностью.

– Люди должны увидеть, что Империя уязвима. Что даже в сердце столицы – время течёт не так, как должно.

– Что с агентом в Нью-Таун-Сити? – спросил пожилой маг. – Он готов?

Айренс не ответила сразу. Она подошла к алтарю, где лежал чёрный кристалл – коммуникатор.

– Он уже внутри. У него доступ к архивам. И он приближается к тем, кто принимает решения.

Она взяла кристалл в руки.

– Его зовут Мелькар. Когда-то он служил Саэнфилду. Теперь служит мне.

– И он станет началом внутреннего раскола.

Над столом зажглась карта Империи. В её центре – столица. По краям – крошечные вспышки красного света: будущие точки разрушения.

– Игра началась, – прошептала Айренс.

– Теперь время играет на нас.

После совета зал вновь опустел. Заговорщики разошлись по коридорам подземной крепости, оставив за собой следы свечей, недосказанных фраз и тревожного ожидания.

Айренс осталась одна. Лишь часовой механизм под куполом тикал – не громко, а глухо, будто отзвуки тикающего сердца за стеной мира.

Она шла к святилищу, углублённому в скалу. Узкий проход вел к полусферической зале, скрытой от всего живого, куда не проникали ни звук, ни свет из внешнего мира. Потолок здесь был куполообразным, усыпанным звёздами – не настоящими, а вырезанными на камне древними астрономами Гандерудена. В центре – круг из семи зеркал, стоящих под углом, направленных внутрь. Под ними – чаша с хроноэлементом, запечатанным в кристаллический кокон.

Айренс опустилась на колени.

– Старшие потоки, – прошептала она, – спящие в глубине времени, открывшие двери и унесшие миры... покажите мне его. Покажите мне маршала. Его путь. Его конец.

Она ударила посохом о пол.

В тот же миг зеркала ожили. Из центра поднялся пар, неестественно густой, серебристый, как расплавленный лунный свет. Он наполнил зеркала – и те начали вращаться. Одно за другим они отображали фрагменты: руины, лица, размытые силуэты. В одном – Саэнфилд. В другом – Саэнфилд, но с раной на щеке и мраком в глазах. В третьем – он стоит с поднятым флагом над городом, охваченным огнём.

Айренс вглядывалась – глубже, чем физически возможно.

И тогда её накрыло.

Внутри одного из зеркал она увидела будущее – не как линейную дорогу, а как многослойный мираж. Саэнфилд стоял на вершине разрушенного холма, за ним – разрушенная Империя, под ногами – флаг. Его лицо – искажено. В одном варианте он плачет. В другом – улыбается. В третьем – шепчет неразборчивые слова, и тогда от его плечей исходят нити света – или трещины?

Она видит два будущих пути.

В одном он становится тем, кто спасёт Империю от катастрофы.

В другом – он открывает дверь тому, кто разрушит её изнутри.

– Кто ты, Саэнфилд? – прошептала она. – Герой или враг?

И вдруг зеркала начали дрожать.

В каждом из них – его взгляд. Он как будто видит её, сквозь время, сквозь границы ритуала. В каждом – чуть другое лицо, но в каждом – одинаковый вопрос.

«Ты правда хочешь знать, кем я стану?»

Магический всплеск сбивает Айренс с ног. Пар исчезает. Зеркала гаснут.

Чаша с хроноэлементом трескается – тонкая паутина трещин, будто сосуд не выдержал контакта с множественностью будущего.

Она лежит на холодном камне. Дыхание сбито. Руки дрожат.

«Он... он раздвоен», – шепчет она. – «Будущее не знает, кто он. И значит – он опаснее, чем я думала.»

Айренс встаёт. Её глаза больше не спокойны.

– Его нельзя уничтожить.

– Его нужно сломать. Иначе – он сломает время.

Нью-Таун-Сити, сердце Империи, сиял огнями, будто хотел убедить сам себя, что всё идёт по плану.

Небо над ним было чистым, купола зданий – отшлифованными до зеркального блеска. Магические башни медленно вращались, ловя импульсы с вышек связи и расправляя во все стороны световые нити, как паутина контроля.

Но под этими куполами – в переулках, в сервомеханических тоннелях, в камерах архивов – шёл совсем другой ритм. Старый. Тайный.

Именно там шёл он.

Мелькар Вест, в форме младшего архивариуса, двигался быстро, будто опаздывал на срочную встречу. Его лицо было ничего не выражающим – лицо человека, которого видят каждый день, но никогда не запоминают. Его отличали лишь перчатки – тонкие, серые, будто из сплетённой пыли.

Он прошёл сквозь двойную охрану в технический блок Гравитального хранилища. Ни один из охранников не посмотрел на него дважды.

Он знал пароли. Знал сигналы смены. Знал, как отключить третью камеру без сбоев в логах.

Он знал, где искать.

Внутри резервного архива, среди запылённых ячеек и древних свитков, он достал нужную капсулу. Убедившись, что его не фиксируют, аккуратно вскрыл скрытый отсек и извлёк обёрнутый в плёнку свиток.

Свиток был древним. Гандеруденским.

На нём: уравнение, вплетённое в магический контур.

Схема открытого цикла хронофокуса.

То, что может не просто поворачивать время – а складывать его.

Мелькар положил свиток в цилиндр. Закрыл. Надел обратно маску безликой бюрократии.

Он вышел на улицу. Город гудел. По экрану на соседней башне прокручивалась передача: "Новые успехи Империи в изучении варп-пространства. Паллада на связи. Саэнфилд – герой."

Он усмехнулся.

Скоро, очень скоро, в эфире будет другая правда.

Позже, уже вечером, он сидел в переулке, где древний каменный мост соединял здание Академии с Технической дирекцией. В руках у него был чернильный конверт. Он поднёс его к тонкому диску, встроенному в стену.

Конверт исчез – забран магическим каналом.

На нём не было имени. Только гравировка:

«Время не лечит. Время рушит.»

Переулок снова опустел.

А в окне дворца маршала Алаины Эвербрайт, где свет не гас даже ночью, в этот миг зашевелилась тень. Кто-то отдернул занавеску и посмотрел на улицу, будто почувствовал, что невидимая пружина только что была заведена.

Слишком поздно.

Имперский дворец дышал тяжестью.

Парадный зал Совета был залит светом ламп-орбит, вращающихся над мраморным столом в ритме магического маятника. Здесь каждый стул имел гравировку рода, каждый орнамент на стенах – историю. В этом зале принимались законы, казнили предателей и клялись на крови, которую потом стирали из камня молчанием.

Сегодня клятв не было. Только спор.

– Он провалил эксперимент, – глухо проговорил лорд Реинхард, тяжело опираясь на трость. – Мы вложили в «Палладу» последние резервы варп-ядер, и что мы получили? Молчание. Разрушенный канал. Падение связи. Ни координат, ни сигналов. Это – провал, госпожа Эвербрайт.

– Или атака, – возразила Алаина, маршал-наследница, голосом, в котором звучала сталь. – Мы не знаем, что случилось. Мы знаем только то, что перед исчезновением корабль

входил в стабильное варп-пространство. А потом – искажение. Возможно, вмешательство извне.

– Вмешательство?.. Вы намекаете на заговор? – тихо сказал Тауриэль, наблюдая за обоими, словно арбитр, уставший от шахматистов, забывших о правилах.

– Я не намекаю, – резко ответила Алаина. – Я вижу слишком много совпадений. Утечка хроноформул. Давление на прессу. И... слухи. Кто их запускает? Кто выгрузил зашифрованный протокол с внутренней станционной записи Паллады за три часа до вылета?

– Слухи, – хмыкнул Рейнхард. – А ещё есть документы, – он положил на стол запечатанный конверт. – Согласно им, Саэнфилд скрыл перебои в энергетическом кольце ещё до старта. Это доклад из внутреннего отдела Академии. От вашего офицера, кстати.

Алаина стиснула зубы.

– Я знаю своих людей.

– Уверены? – Рейнхард смотрел ей прямо в глаза.

Тишина в зале была густой. Только маятник наверху продолжал свой путь – щелчок, пауза, щелчок, как биение чужого сердца.

Тауриэль поднялся.

– Хватит. Мы не будем судить Саэнфилда в его отсутствие. До тех пор, пока не будет прямых подтверждений его предательства или вины – он остаётся маршалом Империи.

Он сделал паузу.

– Но я соглашусь с тем, что против нас ведётся война. Тонкая. Скрытая. И началась она не там, где упала Паллада, а здесь, в этих залах. Среди нас.

Он посмотрел по сторонам.

– Кто-то уже сломал доверие. И это – первый удар. Следующий, быть может, будет по флоту. Или по памяти.

Когда совет закончился, и залы вновь наполнились эхом пустоты, в коридоре остался только один человек.

Советник Мелькар.

Он подошёл к окну, откуда видна была Башня Звезд. В руке у него была тонкая лента бумаги с отметкой о движении военных дронов.

Он медленно свернул её, как сворачивают письмо, и спрятал в нагрудный карман.

Потом посмотрел на отражение своего лица в стекле.

– Ты хорошо играешь, – прошептал он. – Даже не зная, на чьей стороне.

Высоко в горах, над разломами Тальмирана, ночь была иной. Звёзды здесь не просто светили – они двигались. Медленно, осторожно, как часовые механизмы на небе, чьё вращение знали лишь избранные.

Внутри чёрной обсерватории, вырезанной прямо в горной скале, в тишине стоял он.

Лицо – скрыто. Одежда – темна и лишена знаков. Перед ним – купол с хрустальным прибором, построенным по чертежам, утерянным в гандеруденской резне. На поверхности прибора – тонкие линии, покрытые живым серебром. Они светились, пульсируя в ритме, который не соответствовал ни одному из известных временных потоков.

Фигура молча поворачивала рычаги, настраивая поле. Перед ней открылось изображение: проекция мира в хроносфере. Светящиеся точки – столица, Пустыня Тэйр, Ущелья Востока... и – недавно вспыхнувшая аномалия в регионе, где упала Паллада.

Он молча смотрел на всполох энергии.

– Он активен, – прошептал кто-то из тени.

Айренс вышла из темноты, как из мрака сна.

– Начинается второй акт, – сказала она. – Мы запустили правильный цикл. И теперь всё зависит от его выбора.

– Он всё ещё колеблется. Между собой и долгом, – отозвался Смотрящий.

– Тогда мы уберём у него оба.

Айренс провела ладонью над картой. На северо-западе столицы вспыхнула новая точка.

– Подготовь его. Пусть приближается к Эвербрайт. Она верна, но уязвима. Она верит в порядок. А порядок – самое тонкое лезвие для подмены.

Смотрящий кивнул.

– Он ещё думает, что служит Империи.

– Пусть думает, – улыбнулась Айренс. – Пусть чувствует вину. Пусть переживает. Это делает его идеальным сосудом. Такие не поднимают меча – они открывают двери.

Она развернулась, уходя обратно во тьму, но прежде, чем исчезнуть в арке, остановилась:

– Он готов предать?

Смотрящий, не отрываясь от проекции, сказал:

– Он уже предал.

– Просто ещё не знает об этом

Внизу, в подземелье Имперского архива, один из часовых почувствовал, как что-то сдвинулось в механизме на стене – тонкий щелчок, как если бы стрелка часов шла назад.

А в кабинете маршала Эвербрайт, за хрустальной дверью, Мелькар подавил дрожь, глядя в зеркало.

В отражении его глаза были другими.

Глава 6: «Забвение»

Внутри «Паллады» царила тревожная тишина, пронзительная, как звук, которого нет. Даже гул генераторов звучал глуше, будто корабль стыдливо замолчал, не желая признавать правду. Всё было не так.

Саэнфилд стоял у тактического терминала, опираясь на край стола, и молча смотрел в пространство. На голографических панелях медленно вращалась карта звёздного неба – небо, которое должно было быть. Но между «должно» и «есть» зияла бездна.

– Попробуйте ещё раз. Полный цикл – от варп-узла до резервных спутников связи. – Голос маршала прозвучал спокойно, почти равнодушно, но люди, знавшие его, слышали в нём сталь.

Офицер связи лишь кивнул, глядя на экраны с мёртвыми каналами. Волновые сетки остались гладкими. Ни одного пинга. Ни одного сигнала. Ни даже фонового шума от ближайших маяков Империи. Только абсолютная радиомолчание.

– Варп-маяк номер тринадцать... – начал техник, – ...не найден. Координатная сетка не даёт отражения. Он как будто... не был создан.

– Имеется ли сигнал от спутника «Эра-Минус»? – спросил капитан.

– Господин, по расчётам он должен находиться в зоне прямой видимости. Но его нет. Вообще.

– Это невозможно, – произнёс кто-то тихо. – Его запустили сто лет назад, он стабилен, он...

– Его ещё не существует, – прошептал один из инженеров, глядя в пустое окно рубки.

Внутри всех пробежал холодок, как если бы их затянуло в чью-то забывчивость. Ни один голос из Империи, ни один маяк, ни одно автоматическое оповещение не достигло «Паллады». Казалось, корабль выпал не только из пространства, но из воспоминания самой Вселенной.

Саэнфилд, всё ещё не отрываясь от карты, наконец выдохнул:

– Нас здесь нет.

Он знал, что это не гипербола. Он знал – это буквально. Мир, в котором они очнулись, не знал ни Империи, ни хронотехнологий, ни самого Саэнфилда. Имя его, могущество его флотилии, сам «Паллада» – ничто из этого не было отражено в реальности, потому что реальность, кажется, не достигла той точки истории, где эти вещи должны были существовать.

– Ориентируйтесь по звёздам. – Голос маршала звучал, как приказ древнему небу. – Сравните с последним известным звездным каталогом. Если они не совпадают... то мы не потерялись. Мы назад.

Инженеры переглянулись. Кто-то судорожно кивнул и побежал запускать протокол астрономической калибровки.

Над их головами небо уже медленно начинало мерцать. Звёзды за иллюминаторами светились слишком тускло и слишком ровно. Они были... молоды.

Саэнфилд провёл пальцем по тактическому монитору. Медленно, как будто прикасался к стеклу. Мир за пределами корпуса был красив и холоден. И абсолютно чужд.

– Проверить часы. Все. Наручные, бортовые, имплантные. Сравнить.

Прошла минута.

– Господин маршал... – прошептал связист, – У всех разные показатели. Разброс... до нескольких суток. И некоторые... идут в обратную сторону.

Саэнфилд молча достал свой карманный хронометр.

Циферблат был неподвижен.

Он усмехнулся. Горько.

– Добро пожаловать в забвение.

На рассвете, если это вообще можно было назвать рассветом, свет не взошёл – он просочился. Тусклый, как выцветшее воспоминание о солнце, он проливался на плато сквозь рваные, неподвижные облака. Тени не двигались. Они словно застали саму землю врасплох.

Саэнфилд стоял на внешнем балконе обзорной палубы, прижав к лицу бинокль с магической коррекцией. Едва уловимая дрожь витала в воздухе. Ветра всё ещё не было, но песок на склонах холмов начинал сыпаться вверх. Не всегда. Но – иногда. Вздвогнув, он вернулся в тактический зал.

– Докладывай. – Он обернулся к майору Гессу, начальнику разведки.

– Группа «Орион» вернулась два часа назад. Без потерь. Они шли вглубь долины, за порог зоны искажения. Маршрут длиной в двадцать километров. Визуальный контакт установлен.

– С кем?

Гесс помолчал.

– С людьми, Ваше Высочество.

По комнате пронёсся лёгкий шорох. Техники и офицеры переглянулись. Саэнфилд остался неподвижен, как статуя.

– Людьми? – уточнил он, и в его голосе послышалось недоверие. – Какими именно?

Майор активировал голограмму. На экране проявился скан: прибрежный оазис с дымом от костров, хижины, крытые листьями и тканью, грубая резьба на деревянных тотемах. По земле бродили фигуры – одетые в меха, кожи, украшенные оберегами из кости. Их лица – смуглые, резкие, с татуировками на лбу и скулах. Среди них – дети, женщины, воины.

– Они примитивны. Но организованы. Есть четкая иерархия, касты. Вероятно, племенной союз.

Саэнфилд медленно подошёл к голограмме. Изображение замерло на моменте, где один из воинов у костра поднимал вверх руку – в ней он держал металлический обруч. На обруче... знак. Полустёртый, древний, но всё ещё узнаваемый.

– Стой. Увеличь.

Гесс подчинился. Знак стал явным: двойная окружность, в центре которой – перекрещенные линии, подобие спирали.

– Это же... – офицер рядом замер, – ... герб Примархов.

Саэнфилд выдохнул, будто сдерживал это дыхание целую жизнь.

– Где именно это было?

– В двадцати километрах к юго-западу. Они называют это место «Ущельем Истока». Группа слышала, как жрецы у костра говорили: «Светопад вернулся. Железный бог явился с небес, как в легендах».

Он замолчал. Тишина повисла в воздухе, как нож.

– Они... нас ждали? – с хрипотцой спросил техник.

– Или помнили, – ответил Саэнфилд. – Но это невозможно...

– Не более невозможно, чем песок, который идёт вверх, – мрачно добавил Гесс.

Маршал взглянул на карту. Метка «Паллады» горела ярко-синим. Метка племени – янтарным. Между ними – пустота. Но уже не пустая.

– Отправьте вторую разведгруппу. Без контакта. Наблюдение с дистанции. Я хочу знать, что они едят, как двигаются, кто у них главный.

– Слушаюсь.

Саэнфилд задержался у голограммы ещё на секунду. Он посмотрел в глаза одному из племенных старейшин, запечатлённому на фото. И внезапно почувствовал, что тот... смотрит в ответ. Глубоко. Понимающе. Как будто знает его имя. Словно уже видел. Или – увидит.

– Мы не первые, кто пришёл сюда, – тихо сказал он. – Возможно... мы последние.

Он выключил проекцию.

Снаружи, в изломанном небе, раздавался гул – тихий, как дыхание мёртвого титана. А в трюме корабля хроноэлемент засветился новым оттенком – песочно-золотым, точно повторяя цвет тех татуировок, что были у жрецов племени.

Песок шёл вверх.

Он поднимался медленно, лениво, точно вспоминая, как быть пеплом. На фоне потускневшего неба группа разведки шагала вниз по склону, вглубь ущелья, где по легендам «земля помнит больше, чем звёзды». Впереди – Саэнфилд. Он не доверил этот контакт никому. Одному неверному слову – и местные могли исчезнуть в лесу, как дым, унеся с собой всё понимание этого мира.

Они шли без брони. Лишь лёгкие дорожные мундиры, чистые руки, обнажённые лица. Лишь оружие – скрытое, на случай непредвиденного. Сопровождали его капитан Нэйл и переводчица по древним диалектам – тихая, изящная девушка по имени Мелта, чей голос умел быть шелестом.

На третьем часу пути тропа вывела их к ровной террасе из песчаника, над которой, как зубы великана, торчали каменные шпилы. У одного из таких шпилей сидел старик – худой, с лицом, выточенным ветром и временем. Он смотрел на Саэнфилда, будто знал его до рождения.

– Светопад явился с небес, – прошептал он. – Как в песнях. Как было. Как будет.

Сзади слышались шорохи – из-за деревьев вышли воины. Их тела были покрыты белыми знаками – не краской, а чем-то более древним. Они двигались неторопливо, без угрозы, но настороженно.

Саэнфилд сделал шаг вперёд.

– Я – маршал Саэнфилд Пранлайк. Я не враг. Я ищу ответы.

Старик поднялся. На его груди висел медальон из чёрного металла. Приблизившись, Саэнфилд увидел на нём вырезанный символ – спираль, окружённая чертами, будто солнечными лучами.

Это был знак Примархов. Но не как герб. Как реликвия.

– Ты уже был здесь, – сказал старик. Его голос был сухим, как песок, но твёрдым. – Много времён назад. Или вперёд. Ты принёс свет, и ты принёс слом.

Саэнфилд ощутил, как под кожей пробежал холод.

– Мы... потерялись, – произнёс он. – Наш корабль упал. Мы не знаем, где... и когда.

– Ты в месте, которое не помнит себя, – кивнул старик. – Здесь время – не дорога. Здесь оно – зверь, что спит в камнях. И когда его тревожат... оно смотрит.

Из толпы вышел мальчик – лет десяти, с глазами, как у пустыни: сухими, но глубокими. Он подал Саэнфилду кусок ткани. На нём – вышивка. Очертания дирижабля. Символ Империи. И... его лицо.

– Это... невозможно, – выдохнул капитан Нэйл. – Они не могли этого знать. Не могли...

Старик прикрыл глаза.

– Мы не запоминаем будущее. Оно само нас запоминает. Ты должен понять: ты не просто упал в прошлое. Ты в месте, где будущее забыто. И ты – его последний след.

Мелта перевела всё, дрожащим голосом. Саэнфилд молчал. Он чувствовал, как пульс медленно сливается с ритмом земли. Он больше не был офицером, дипломатом, инженером – он был фрагментом. Осколком машины, которая разошлась по швам.

– Что вы знаете о хроноэлементе? – спросил он.

Старик замер. Затем медленно сел на песок.

– Его нельзя носить. Его нельзя звать. Это – гвоздь в сердце мира. Каждый раз, когда вы его касаетесь – кто-то исчезает навсегда. Не в смерть. В ничто.

– А если мы уже его использовали?

Молчание.

– Тогда время уже ищет расплату.

Из-за холма поднялся ветер – первый за всё время. Он был тёплым и нес собой звук – низкий, протяжный, как рёв чего-то, что ещё не вылезло из тени, но уже знает дорогу.

Старик указал пальцем вверх, в небо, где багровела трещина – она не была облаком, не была звездой. Она двигалась.

– Оно смотрит, маршал.

Саэнфилд посмотрел туда же. Его пальцы сжались. Он почувствовал, как что-то древнее, чужое, и всё же знакомое размыкается в нём самом.

Он поклонился.

– Спасибо за мудрость. Я вернусь.

Старик лишь закрыл глаза.

– Нет, Саэнфилд. Это ты вернёшь их.

Корабль дышал.

Глубоко, тяжело, как будто «Паллада» чувствовала сквозь броню и переборки приближение истины, от которой не отмахнуться ни силой, ни волей.

Саэнфилд вернулся в тактический зал, и его шаги, казалось, отдавались эхом не по металлу, а по нервам всего экипажа. Все уже знали: он вернулся с чем-то, что изменит направление разговора – и, возможно, самой реальности.

– Слушаю доклады, – коротко бросил он, заняв место у проекторов.

– Астрономическая калибровка завершена, – начал лейтенант Гаррет. Его голос был тихим, будто он боялся вслух произнести то, что обнаружили. – Мы сравнили небесную сферу с актуальным звёздным каталогом Империи, с данными на 9465 кантор. И...

Он замолчал.

– Говори, – с нажимом сказал Саэнфилд.

– Совпадений нет. Ни одного. Некоторые звёзды – ещё в стадии формирования. Некоторые – отсутствуют. Две известные планетарные системы не существуют вообще.

Он активировал проекцию. В воздухе возникла модель: небесная сфера вращалась медленно, будто сгорбившись под собственным возрастом. На ней – красные точки: несовпадения. Синие – совпадения. Их не было.

– Наш текущий временной срез... по оценкам... соответствует... – он сглотнул, – ... примерно трём миллионам лет до основания Империи. Возможно больше. Данные неточны из-за нестабильной хронологической структуры пространства. Мы могли попасть... не просто в прошлое. В пред-время.

Наступила звенящая тишина.

Саэнфилд медленно провёл ладонью по лицу. Он не удивился. Он чувствовал это раньше – как человек чувствует, что его сердце уже сбилось с ритма, ещё до удара боли.

– Аномалии за пределами зоны стабилизатора расширяются, – добавил другой техник. – Мы теряем контроль над краевыми участками поля. Пространство рябит, объекты исчезают, время... прыгает. У некоторых членов экипажа зафиксированы психохронные симптомы: ощущение «воспоминаний из будущего», дежавю, галлюцинации.

Саэнфилд посмотрел на хронометр. Он стоял на отметке 00:00:00. С тех пор, как они вышли из варпа – он больше не двигался. Ни вперёд, ни назад.

– Что с хроноэлементом? – спросил он.

Ответ прозвучал сразу:

– Светится. Постоянно. Импульсы стабилизировались, но теперь он реагирует на... неизвестные поля. И, похоже... он синхронизируется с окружающей средой.

– Что это значит?

– Хроноэлемент ведёт себя, как будто... нашёл дом. Как будто он был создан здесь. Или... здесь был его исходный носитель.

Маршал откинулся на спинку кресла. Линии на его лице стали глубже, будто каждый новый доклад прокладывал собственную трещину в его сознании.

– Мы не просто застряли, – сказал он. – Мы оказались в самом начале. В эпохе, до которой ни одно из наших воспоминаний ещё не добралось.

Он встал. В зале стало ещё тише.

– Принесите мне карту временных скачков. Полную. И всех, у кого были... «отклонения» в восприятии. Я хочу знать, что они видели.

Офицер потянулся к терминалу, но вдруг остановился.

– Ваше Высочество...

– Да?

– Вы... помните... ваше кольцо?

Саэнфилд взглянул на руку.

Кольца не было.

Он всегда носил его. Дар от Эрии. Его не снимали – даже в бою. Даже в крио-сне. Даже в детстве.

– Я не снимал его, – прошептал он.

– Видеозаписи говорят, что оно было. Но сейчас... на всех старых записях – его нет. Ни на одной.

Тишина.

– Оно не просто исчезло, – медленно произнёс Саэнфилд. – Оно никогда не существовало.

Все замерли.

И в этот момент лампа в углу зала моргнула.

Только один раз.

И этого оказалось достаточно, чтобы все взглянули на неё, как на окно в трещину.

Он вернулся... не тем.

Это случилось на третьем дне после контакта с племенем. День начинался как обычно – насколько «обычным» мог быть день, когда корабль висит на краю временного бездорожья. Техники проверяли реакторы, разведка наблюдала за движениями местных, Саэнфилд вновь сверял графики и отчёты. Всё было... под контролем.

Пока не сработала сирена.

– Внимание. Нарушение протокола изоляции. Сектор D-7, нижний шлюз. Один из солдат покинул корпус без разрешения.

Саэнфилд встал с места, в глазах – молчаливая ярость.

– Кто?

– Лейтенант Торвальд. Из охраны трюма. Самовольно открыл аварийный люк и вышел в зону искажения. Без сопровождения.

– Сколько времени он пробыл снаружи?

– По внутренним часам – двадцать семь минут. Но...

– Что?

– ...по камерам... он исчез через три секунды после выхода. И вернулся через одну.

– Что?

Саэнфилд уже шагал к выходу.

Когда его привели в медотсек, сначала никто не понял, кто это. Лейтенант Торвальд, высокий, молодой, с отчётливыми чертами – теперь выглядел, как высохший лист времени.

Кожа его стала серой, словно пепел. Глаза – тусклыми, но наполненными древней усталостью. Волосы побелели. На руках – глубокие складки, как трещины на высохшей земле. Он сидел на койке, неподвижный, обхватив колени.

– Он не отвечает, – сказала врач. – Но он... не просто постарел. Его биоритмы идут на откат. Иногда у него пульс останавливается, а потом возвращается – как будто тело спорит, быть ему ещё живым, или уже мертвым давно.

– Он что-нибудь говорил? – спросил Саэнфилд, входя.

– Только одно. Когда вернулся.

– Что?

Врач колебалась.

– «Там... не одно время. Там все сразу.»

Маршал подошёл ближе. Лейтенант медленно повернул голову. Их взгляды встретились – и Саэнфилд понял: этот человек видел.

Не просто пейзаж или искажение.

Он видел структуру времени. Как оно ломается. Как оно дышит. Как смотрит.

– Почему ты вышел? – тихо спросил Саэнфилд.

– Голос, – прохрипел Торвальд. – Он звал меня. Он знал моё имя. Он сказал, что я должен увидеть.

– Что ты увидел?

– Себя. Но... не того, кто я. А того, кем я стал... давно назад. И кем ещё стану. Они все были там. Мы все. Все возможные. И один из нас... горел.

Он больше ничего не сказал. Просто сел – и медленно, сдержанно, заплакал.

Позже, в командном зале, Саэнфилд стоял у голографического экрана. Перед ним – лог данных. Системы корабля зафиксировали всплеск хронополя в момент возвращения Торвальда. Его показатели... не соответствовали ни одному измерению времени, принятому в Империи.

Он не был из их времени. Он больше не принадлежал ни одной временной оси.

– Ввести протокол «Атрибут-изменение», – приказал Саэнфилд. – Всем постам. Никто не покидает корабль без приказа. Установка маяков – дистанционная. Даже командиры. Даже я.

– И Торвальд?

– Изолировать. Но не как заключённого. Как носителя. Пусть за ним ухаживают. Но пусть ни одна дверь не откроется, если это не приказано лично мной.

– Понято.

Маршал опустился в кресло. Его пальцы медленно легли на холодные панели терминала.

– И ещё, – добавил он. – Запишите: это больше не миссия. Это – изоляция заражения. Не физического. Хронологического. Мы принесли с собой яд, которого не понимаем. Яд, который думает. Который говорит. Который выбирает, кого позвать.

Он посмотрел на проекцию корабля. Где-то в трюме, за слоями брони, лежал хроноэлемент. Светящийся. Дышащий. Пульсирующий.

Он снова начал менять цвет.

Цвет был таким же, как у глаз Торвальда.

Ночь опустилась неожиданно. Не как часть цикла. Как решение.

За пределами периметра плато дрожал воздух – не от жары, а от перемещающегося давления, будто сама ткань мира колыхалась, сбив дыхание. Ветра не было. И звёзд тоже.

Только одна.

Одинокая. Горящая серебристо-синим, она висела на горизонте, будто её забыли выключить в чужом небе. Саэнфилд стоял на смотровой площадке, прижимая к губам остуженную сигару. Он не курил. Просто держал – как якорь к привычному.

– Ваше Высочество, – голос Мелты раздался тихо, как будто боялся потревожить сам воздух. – Вы хотели видеть новые данные...

Он кивнул. Она протянула планшет.

На экране – тепловизионное изображение восточной стороны плато. Одна из камер случайно уловила вспышку. Момент, зафиксированный лишь на одном кадре. Мерцание – не магии, не энергии. А архитектуры.

– Стоп. Увеличить. Максимально.

Мелта подчинилась. Изображение дрожало, но на нём – контур. Арка, обвитая глифами. Древняя лестница, ведущая в никуда. Фрагмент стены, в которую вплавлен герб – но не Империи.

Примархов.

Саэнфилд замер. Он уже видел эти очертания – в книгах. В чертежах. В снах.

– Это... город?

– Мы не уверены, – прошептала Мелта. – Камеры не зафиксировали ни начала, ни конца проявления. Только один кадр. И после... в этом же месте резко изменилась магнитная поляриность. И... одна из вахт заявила, что услышала... голос.

– Что сказал голос?

Она посмотрела на него. Не как солдат. Как человек, который знает, что в этот миг время отклоняется от прямой линии.

– «Ты пришёл поздно. Но ещё не последним.»

Через два часа Саэнфилд снова стоял в центре обзорной рубки. Все мониторы были отключены. Все радары – заглушены. Только прожектор светил вглубь долины, туда, где не должно было быть ничего.

И вдруг, он загорелся.

Маяк.

Каменный, изогнутый, будто кость гиганта. На его вершине пульсировало пламя – не пламя, а воспоминание о свете. Оно вспыхнуло – не от горячего, не от магии. От решения.

Саэнфилд выпрямился. Его голос был хриплым, но решительным:

– Подъём. Завтра на рассвете – экспедиция к структуре. Без дронов. Без роботов. Только люди.

– Но, Ваше Высочество... – начал кто-то.

– Мы не можем больше наблюдать. Если это артефакт Примархов, если это нечто, что осталось в основе мира – оно ждёт нас. Не дронов. Не протоколов.

– Оно знает, кто мы.

Он обернулся на проекцию. А там...

На стене маяка, подсвеченной странным синим светом, едва заметно дрожала надпись. На древнем, забытом языке.

Но Саэнфилд узнал её.

Она была написана его собственным почерком.

«Я вернусь.

И приведу тех, кто сможет закончить начатое.

Если вы это читаете – я ещё не стал собой.»

Мелта зажала рот ладонью.

– Это... – выдохнула она.

Саэнфилд медленно выдохнул.

– Это послание. Мне. От меня. Из времени, которого ещё нет.

Он повернулся к окну. И на миг – только на миг – на фоне мерцающего маяка, в дрожащем свете, стояла фигура. Высокая. В красном плаще. Лицо не видно. Но поза... знакома до боли.

Она подняла руку – и показала три пальца.
Три дня?
Три попытки?
Три версии себя?
И исчезла.
Саэнфилд закрыл глаза.
– Мы не потеряны. Мы – призваны.
Он открыл их вновь. Взгляд – стальной.
– Готовьте отряд. На рассвете – в путь.

Глава 7: «Диверсия»

Столица Империи просыпалась величественно, как громадный зверь, уверенный в собственном бессмертии.

Воздушные платформы скользили по маголиниям между башнями, отражая в своём стекле золотое утро. Башни пели – не по воле людей, а потому что древние устои в их сердцах вибрировали на рассвете, как живые. На центральных проспектах гвардейцы в черных доспехах шагали строем, сверяя хронометры с импульсами дворцового времени. Всё было выверено, стабильно. Империя дышала по расписанию.

На стенах зала Совета играли световые гобелены – картины из временных слоёв: падение звёздного флота над Наргиосом, обряд объединения Лунных княжеств, коронация Криолиса. История, вырезанная из потока времени, теперь показывалась, как иллюзия.

Но на этой иллюзии начала появляться рябь.

– Мы не теряем «Палладу», – сказал один из сенаторов, с нажимом постукивая костяшками пальцев по столу. – Мы её не видим. Это принципиально разное.

– Глубоко философское утешение, – хмыкнула женщина в мантии разведки. – Но от философии у нас не появилось координат.

Император Криолис сидел в центре полукруга, спина прямая, взгляд спокойный. Он не перебивал. Он слушал.

– Возможно, варп-протокол дал сбой. Или хроноэлемент вышел за пределы – мы работаем с нестабильной материей, в конце концов, – вмешался инженер Мизр. – Это не катастрофа. Это... научный риск.

– Это был боевой дирижабль, оснащённый сверхточной системой стабилизации, – процедил Тауриэль, глава безопасности, стоя у дальнего терминала. – И если он исчез – не просто на радарх, а в самом реестре хронологических вех – то это не сбой. Это вмешательство.

Криолис поднял взгляд. В зале стало тихо.

– Тауриэль, ты говоришь о саботаже?

Он медленно кивнул.

– Я говорю о диверсии. Тонкой. Продуманной. Подготовленной заранее. И, возможно... не внутри Империи.

Многие сенаторы зашевелились. Кто-то вскинул бровь. Кто-то – усмехнулся.

– Ты предлагаешь обвинить Гандеруден? – прозвучал голос.

– Я не предлагаю ничего, – отрезал он. – Я лишь указываю на совпадения. Исчезновение «Паллады». Необычные импульсы в варп-каналах. А теперь – странности в архивных записях. Хронополя в столице начинают пульсировать иначе.

– Хочешь сказать, что время... начинает дышать неправильно?

Тауриэль кивнул.

– Или начинает запоминать то, чего ещё не случилось.

Император наконец заговорил:

– Продолжайте поиски «Паллады». Но без шума. Без публикаций. Без сенсаций. Наш народ не должен знать, что его герои... возможно, ушли в то, откуда не возвращаются.

– А если они вернутся?

– Тогда... – Криолис взглянул в сторону, где голограмма показывала портрет Саэнфилда, – ...нам останется только надеяться, что они вернутся такими, какими ушли.

Он встал.

– Заседание окончено.

Когда он ушёл, Тауриэль остался в зале. Один.

Его терминал мигнул. Входящий сигнал. Анонимный. Без адреса. Без кода.

Сообщение:

«Ты ищешь их. А они уже нашли тебя. Архив – в час X. Не опоздай. Время не любит слабых.»

Подпись: А.

Тауриэль закрыл глаза. Голос в его голове был знаком.

Айренс.

В глубинах столицы Империи, там, где солнечный свет – лишь воспоминание, а воздух пахнет проводами и временем, дрожащим в стальных швах, спустилась тень.

Она не носила имени.

Ни одного из тех, что были даны при рождении.

Теперь её называли – Третий Контур.

А она называла себя – «Оставшаяся».

Девушка в маске из грависетки двигалась сквозь подземные коридоры техно-гетто, где обитали выброшенные из времени – те, чьи паспорта стерлись, чьи дни спутались в биохро-нотракте. Над головой ревели ветви метротканей – живых тоннелей, пронзающих столицу. Поверхность жила своей жизнью – парады, доклады, поиск исчезнувшей «Паллады»...

Но под ней, внутри Империи, зарождалось нечто иное.

Хроноякоря – слабое место любой великой цивилизации. Не бомбы, не яд, не слово.

Память.

Память, внедрённая до события, – способ взорвать Империю до того, как она успеет понять, что именно произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.